

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

З. З. Зинатуллин
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

ТОМ II

Антология юридической науки

Зинур Зинатуллин

Избранные труды. Том II

«Юридический центр»

2012

Зинатуллин З. З.

Избранные труды. Том II / З. З. Зинатуллин — «Юридический центр», 2012 — (Антология юридической науки)

Юбилейный сборник избранных трудов заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики, профессора З.З. Зинатуллина, автора более 300 научных и учебно-методических работ, включает монографии, учебные пособия и статьи последних лет, которые, по мнению составителей, заслуживают особого внимания и осмысления. В том II избранных трудов включены научные исследования конца XX – начала XXI в., посвященные вопросам совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Книга предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практических и научных работников, а также для всех интересующихся вопросами права.

ББК 67.411

Содержание

Раздел I	6
Уголовно-процессуальное доказывание[1]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Зинур Зинатуллович Зинатуллин

Избранные труды в 2 томах. Т. II

© З.З. Зинатуллин, 2012

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2012

Раздел I

Проблемы уголовно-процессуального доказывания

Уголовно-процессуальное доказывание¹

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

С 1 июля 2002 г. в России действует новый Уголовно-процессуальный кодекс – законодательный акт, ориентированный на приоритетную защиту прав и свобод личности в уголовном процессе.

Но каждому юристу ясно, что не эти социальные ценности вызывают к жизни необходимость производства по уголовным делам, а то, что совершаемыми преступлениями им причиняется вред. Преступления необходимо раскрывать, лиц, виновных в их совершении, изобличать. И такая задача не может не быть первоосновой уголовного процесса.

Необходимость в защите прав и интересов участников уголовного процесса появляется лишь в связи с возможностью начать действия по осуществлению уголовного преследования.

Характер и содержание уголовно-процессуальной деятельности во многом определяются положенными в ее основу принципами. Разработчикам УПК РФ надо отдать должное. Сформулированные принципы определяют состязательную форму построения уголовного процесса, приоритет личности, строгое соблюдение законности, главенствующую роль судебной власти.

Вместе с тем вызывает тревогу невключение в УПК РФ 2001 г. ряда концептуальных положений, имеющих непосредственное отношение к проблеме уголовно-процессуального доказывания, в частности указания на необходимость исследования обстоятельств уголовного дела всесторонне, полно и объективно.

И как бы ни оговаривался запрет унижать честь и достоинство участников уголовного процесса, отсутствие названного принципа, носящего глобальный характер, ведет к бездушию, безразличию к судьбам вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения людей со стороны власть имущих лиц, способствует дальнейшему расцвету обвинительного уклона в уголовно-процессуальной деятельности. Подтверждение сказанному видится и в отсутствии в УПК РФ малейшего намека на необходимость установления по каждому уголовному делу объективной истины. Законодатель довольствуется перечнем подлежащих доказыванию по уголовному делу обстоятельств, тем, что «приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона» (ст. 297 УПК РФ). О том, что судебный приговор должен быть еще и истинным, законодатель даже не упоминает. Более того, по делам о преступлениях, наказание за совершение которых не превышает пяти лет лишения свободы, суд при определенных обстоятельствах получил право назначать подсудимому наказание и без исследования доказательств (ст. 314 УПК РФ). Законодателя не волнует, что осужденным может оказаться и невиновное в преступлении лицо. К тому же возможность пересмотра приговора ввиду односторонности или неполноты предварительного или судебного следствия ныне не предусмотрена (ст. 379 УПК РФ). Да и оценка самих доказательств, на основе которой предполагается формирование у оценивающего их лица внутреннего убеждения, не требует

¹ Печатается по: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Учебное пособие. Ижевск: Детектив-информ, 2003.

всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, достаточно наличия их совокупности (ст. 17 УПК РФ).

Есть в УПК РФ 2001 г. и другие положения, вызывающие вопросы. В их числе трактовка доказательств только как сведений о подлежащих установлению по делу обстоятельствах (ст. 74 УПК РФ), сведение содержания уголовно-процессуального доказывания только к собиранию, проверке и оценке доказательств (ст. 85 УПК РФ). Жизнь, уголовно-процессуальная практика расставят все по своим местам. И если мы в какой-то мере поможем этому, то поставленные перед собой задачи будем считать разрешенными.

Проблемы уголовно-процессуального доказывания в уголовно-процессуальной науке XXI в. составят весьма значимый блок научных поисков.

ВВЕДЕНИЕ

В теории и практике уголовного процесса нет ни одной проблемы, ни одного вопроса, которые не были бы связаны с уголовно-процессуальным доказыванием. Последнее есть не только стержень уголовного процесса, но и его движущая сила, т. е. то, что делает его предметно осязаемым явлением. Без уголовно-процессуального доказывания уголовный процесс немыслим, ибо он представлял бы собой, по существу, лишь грудку теоретических постулатов относительно самого понятия уголовного процесса, стоящих перед ним целей и задач, возможных средств и способов их достижения, но не раскрывал, как и посредством какой практической деятельности реально все это осуществить.

Этим объясняется повышенный интерес к проблемам уголовно-процессуального доказывания, который имеет место с момента необходимости самого первого реагирования на совершенное преступление путем соответствующего производства по уголовному делу, с возникновения и совершенствования уголовного процесса вне зависимости от его типа и формы. Достаточно вспомнить Законы царя Хаммурапи, Декреталии папы Иннокентия III (1199 г.), Русскую Правду (1020 г.), Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение (1649 г.), знаменитую «Каролину» (1532 г.), Уголовно-процессуальный кодекс Наполеона (1808 г.) и др., исследованные в работах М.И. Волкова, Н. Ланге, Д. Мейера, Б.И. Сыромятникова и др.²

Повышенный интерес к проблемам уголовно-процессуального доказывания связан с судебными реформами России 1864 г. На фундаментальных трудах Д.Г. Тальберта, И.В. Михайловского, И.Я. Фойницкого, В. Случевского, Н.Н. Розина, Л.Е. Владимировой и других ученых дореволюционного периода³ основан во многом и современный уголовный процесс, истоки которого мы связываем прежде всего с именами таких видных профессоров, как С.А. Голунский, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, М.А. Чельцов-Бебутов.

Многое для развития уголовно-процессуальной науки в целом, в том числе и в части уголовно-процессуального доказывания, сделали В.Д. Арсеньев, Н.С. Алексеев, А.Д. Бойков, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, А.А. Давлетов, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева, И.М. Каз, Ф.М. Кудин, Л.Д. Кокорев, А.М. Ларин, В.З. Лукашевич, П.А. Лупинская, Я.О. Мотовиловкер, М.М. Михеенко, П.Ф. Пашкевич, И.И. Мухин, И.Л. Петрухин, Г.М. Резник, А.А. Старченко, А.И. Трусов, М.П. Шаламов, С.А. Шейфер, Ф.Н. Фаткуллин, А.А. Эйсман, П.С. Элькинд, Н.А. Якубович и

² См.: Волков М.И. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914; Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. М., 1834; Мейер Д. Юридический сборник. Казань, 1855; Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России. Судебная реформа: М., 1915. Т. 2; Зауэр О. Основы процессуального права. М., 1929.

³ См.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Харьков, 1888; Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1891; Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1; 1915. Т. 2; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Томск, 1913.

др. Вместе с тем следует заметить, что в большинстве своем процессуалисты основное внимание уделяли проблемам доказательств⁴, а не уголовно-процессуального доказывания.

Определенное воздействие на это оказала книга апологета сталинизма А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве». Справедливости ради нужно отметить, что указанные авторы почти всегда выходили за рамки своих исследований и в большинстве случаев вели речь об уголовно-процессуальном доказывании, о некоторых сторонах его проявления. И это правильно, ибо сами доказательства в уголовно-процессуальном доказывании выступают лишь в качестве средств, используемых в ходе производства по уголовному делу для достижения его целей. Категориальный аппарат уголовно-процессуального доказывания значительно шире, разнообразнее и разностороннее. Он включает в себя и такие явления, как структура, цель, предмет, пределы, средства, субъекты уголовно-процессуального доказывания, особенности использования отдельных методов и приемов доказывания, специфику доказывания в отдельных стадиях производства по уголовному делу и многое другое. Таким образом, можно утверждать, что в уголовно-процессуальной науке необходимо исследовать и развивать не «теорию доказательств», а именно «теорию уголовно-процессуального доказывания». С этих позиций особого внимания заслуживают работы П.А. Лупинской, Ф.Н. Фаткуллина, М.М. Михеенко, Б.Т. Безлепкина, Т.А. Москальковой, Ю.В. Корневского⁵.

Уголовно-процессуальное доказывание составляет предмет предлагаемого читателю учебного пособия, основным содержанием которого выступает системное изучение наиболее общих концептуальных проблем. В силу этого после раскрытия содержания и социальной ценности уголовно-процессуального доказывания анализируются его методологические основы, субъекты, цели и предмет, отдельно дается характеристика структурных элементов. Значительное внимание уделяется анализу средств уголовно-процессуального доказывания, в том числе доказательствам и их источникам, способам получения и использования, а также специфике уголовно-процессуального доказывания в отдельных стадиях уголовного процесса. Завершается пособие анализом нравственных основ уголовно-процессуального доказывания. Считаем необходимым отметить, что в совокупности правовые нормы, регламентирующие уголовно-процессуальное доказывание, в сочетании с возникающими при этом отношениями образуют то, что принято именовать доказательственным правом. В нем выделяются нормы «Общей части», связанные с определением доказывания и его структурных элементов, средств уголовно-процессуального доказывания с их характерологическими особенностями, цели, предмета и пределов доказывания, прав и обязанностей участвующих в нем субъектов. «Особенная часть» включает правовые нормы, определяющие задачи, порядок и содержание процессуальных действий по доказыванию, а также касающиеся специфики уголовно-процессуального доказывания по отдельным категориям уголовных дел и этапам (стадиям) их движения.

Исследование закономерностей процесса установления по делу объективной истины и принципов удостоверения познанных в ходе уголовно-процессуального доказывания фактов и обстоятельств и изучение самой совокупности правовых норм, регулирующих такое доказы-

⁴ См.: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. М., 1960; *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964; *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978; *Кипиш И.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995; *Кудин Ф.М., Костенко Р.В.* Достаточность доказательств в уголовном процессе. Краснодар, 2000.

⁵ См.: *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966; *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976; *Михеенко М.М.* Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984; *Безлепкин Б.Т.* Проблемы уголовно-процессуального доказывания // Сов. гос-во и право. 1991. № 8; *Москалькова Т.Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996; *Доказывание в уголовном процессе: Традиции и современность* / Под ред. В.А. Власихина. М., 2000.

вание, составляет предмет теории уголовно-процессуального доказывания. В его содержание входит также изучение истории становления и тенденции развития самого доказательственного права, его современного состояния с позиции более успешного применения норм доказательственного права для решения стоящих перед уголовным процессом задач.

Глава 1

СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

1.1. ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

В соответствии со ст. 6 УПК РФ 2001 г. уголовное судопроизводство имеет своим назначением: «1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Выполнение такого предназначения возможно лишь посредством соответствующей уголовно-процессуальной деятельности. Содержание последней составляет комплекс процессуальных действий и отношений по возбуждению уголовного дела, производству по нему предварительного расследования, осуществлению правосудия путем вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Все это возможно в условиях познания всех обстоятельств расследуемого или разрешаемого уголовного дела. «Познание, – отмечает А.А. Давлетов, – есть процесс приобретения человеком, человечеством (субъекты познания) нового знания о событиях, явлениях, вещах реального мира (объект познания)»⁶. Приобретаются такие знания в результате определенной познавательной деятельности человека, осуществляемой, в частности, и посредством уголовно-процессуального доказывания.

Несмотря на то, что понятие уголовно-процессуального доказывания уже давно и достаточно прочно утвердилось в науке, относительно его трактовки, характера и содержания до настоящего времени среди ученых и практиков нет единства. Некоторые авторы пытаются провести четкую грань между такими категориями, как «познание» и «доказывание» по уголовным делам. Так, по мнению И.М. Лузгина, «познание в широком смысле слова представляет собой получение знаний о тех или иных предметах и явлениях», в то время как доказывание «заключается в обосновании установленных положений»⁷. Аналогично высказывается и Р.Г. Домбровский, считающий, что «познание всегда связано с мышлением и является процессом выработки мыслей. Что же касается доказывания, то оно представляет собой не мышление, а процесс изложения мыслей, изложения тех выводов, к которым пришел размышляющий в процессе познания субъект»⁸.

⁶ Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 17.

⁷ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 21.

⁸ Домбровский Р.Г. Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании // Учен. зап. Латв. ун-та. Рига, 1973.

Правильная мысль о коммуникативности доказывания, не сопровождаемая оговоркой о неотделимости обосновывающей деятельности от извлечения знаний, дает повод к ошибочному предположению: сначала следователь осуществляет познание, а потом уже – доказывание. И в этом случае деятельность по собиранию и проверке доказательств фактически выводится за границы доказывания, с чем никак нельзя согласиться. Более того, если считать, что доказывание представляет собой только процесс общения двух субъектов, из которых один, передающий знания (например, следователь), выступает как субъект доказывания, а другой, принимающий знания (например, суд), выступает как субъект познания, то получается, что доказывание в реальной, а не в потенциальной форме вообще начинается только в судебном разбирательстве, поскольку до этого общение двух субъектов отсутствует.

Подобные суждения, по-видимому, объясняются стремлением некоторых исследователей вывести понятие доказывания в уголовном процессе из универсального понятия доказывания, под которым подразумевают любую, т. е. не зависящую от сферы приложения, умственную деятельность по обоснованию вывода. Представляется, однако, что универсального научного доказывания не существует: процедуры, с помощью которых устанавливается истинность какого-либо утверждения, именуются в логике доказательством, на что уже обращалось внимание в литературе⁹. Доказательство как работа мысли, состоящая в оперировании аргументами, явно не исчерпывает реального содержания познавательной деятельности следователя (суда). Необходимым компонентом этой деятельности является извлечение фактических данных, получение новых знаний, используемых для построения конечных выводов. При таком положении ближайшим родовым понятием по отношению к доказыванию будет не логическая категория – доказательство, а наиболее широкая гносеологическая – познание, т. е. деятельность субъекта, обеспечивающая получение истинных знаний об объекте. Поэтому термин «доказывание» не общенаучный, а специфически юридический, процессуальный термин, обозначающий особый, регламентированный законом порядок установления искомых фактов. В уголовном процессе доказывание – это процессуальная форма познания обстоятельств уголовного дела, осуществляемого следователем, прокурором, судом, с участием обвиняемого, потерпевшего, защитника и других лиц, наделенных соответствующими правами и несущих определенные обязанности. В наиболее четкой форме мысль о единстве познания и доказывания выразил М.С. Строгович. «Мы, – пишет он, – отождествляем доказывание в уголовном судопроизводстве с познанием по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела»¹⁰.

Сложная структура доказывания, сочетающего в себе информативные (получение знаний) и коммуникативные (обоснование достоверности знаний и их передача) элементы, раскрывается в исследованиях, рассматривающих эту деятельность как сочетание практических и мыслительных операций. Убедительным представляется и высказанный А.Р. Ратиновым взгляд на доказывание как на единство познавательной и удостоверительной (практической) сторон¹¹. Познавательная сторона доказывания состоит в том, что субъекты доказывания добывают информацию об обстоятельствах расследуемого события; удостоверительная же сторона проявляется в подтверждении, документировании, удостоверении в установленной форме выявленных обстоятельств с тем, чтобы обосновать их правильность и правильность сделанных на их основе выводов.

Т. 214. Вып. 11. С. 168; см. также: *Джатицев В. С.* Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов н/Д, 1991. С. 23.

⁹ См.: *Курьлев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 34.

¹⁰ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 296.

¹¹ См.: *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 287.

Для дальнейшей характеристики доказывания необходимо определить, как взаимодействуют между собой познавательная и удостоверительная стороны в реальном процессе установления истины.

Некоторые исследователи полагают, что познавательная и удостоверительная стороны – это разные по целям и последовательно сменяющиеся этапы доказывания: удостоверительная сторона доказывания реализуется после завершения познания¹². Представляется, что в таком случае неправомерно разделяются теоретический (логический, мыслительный) и практический (внешнепредметный) аспекты, которые в реальной познавательной деятельности находятся в органическом единстве и дополняют друг друга¹³. Познавательная деятельность не сводится к мыслительным действиям или к чувственному восприятию реальных предметов. Она включает также разнообразные практические операции как со средствами, так и с объектами познания.

С другой стороны, внешнепредметная познавательная деятельность неотделима от мыслительной, что находит проявление в преобразовании результатов опыта в форму суждений, в проверке их истинности с помощью логических операций и т. д. Невозможность «отсечения» обосновывающей деятельности от самого процесса извлечения знаний становится очевидной при диалектическом осмыслении логической категории доказательства: оно не является чем-то внешним по отношению к познанию, не состоит в оправдании уже полученных результатов и внутренне присуще процессу их получения. «Само исследование доказательно, поскольку оно при своем движении воспроизводит логику действительности»¹⁴.

Концепция доказательного исследования как нельзя лучше объясняет неразрывное единство и взаимодействие познавательной и удостоверительной сторон. В судебном доказывании познание не сопровождается этой удостоверительной деятельностью, а включает ее в себя, так как «доказательства нужны не только для того, чтобы других убедить в истинности данного вывода, но прежде всего для того, чтобы к этому выводу прийти самому»¹⁵. Сказанное справедливо и по отношению к собиранию доказательств как одному из первоначальных этапов доказывания. Удостоверительная деятельность, понимаемая как сохранение полученных знаний, как подтверждение их истинности, обращена здесь и к внешнему адресату и к самому субъекту познания. Было бы неверно считать, что производство следственных действий – это только извлечение знаний, в то время как обоснование их истинности осуществляется на более позднем этапе, при систематизации этих знаний в итоговом процессуальном акте – обвинительном заключении или судебном приговоре. Воспринимая доказательственную информацию, следователь (суд) мыслит себя частью «познающей системы», звеньями которой являются все должностные лица, осуществляющие познавательную деятельность в уголовном процессе. Задача субъекта познания состоит в превращении «истины в себе» (т. е. неотраженной, неполученной и недоуверенной информации) в «истину для всех», в том числе и для себя, что достигается применением надежных средств извлечения знаний и обоснованием правильности полученных выводов. По этой причине следователь (суд) не вправе опираться в своих выводах на информацию, которая с учетом ее формы не может быть использована всей системой для обоснования этих же выводов, т. е. на не удостоверенные должным образом фактические данные (доказательства). Убеждение в правильности своих выводов может сложиться у субъекта доказывания лишь при наличии доброкачественных аргументов, удовлетворяющих требованиям достоверности; – логического выражения, достигаемого ясным словесным оформлением результатов следственного действия, надежности источников, из которых извлечены фактические данные,

¹² См.: Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства// Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 28. С. 87–92.

¹³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М., 2001. С. 184.

¹⁴ Проблемы научного метода. М., 1964. С. 140.

¹⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 326.

и способов их получения (отражение в соответствующем процессуальном документе, откуда, в каких условиях и каким способом получена информация), правильного уяснения смысла сообщения (подтверждение допрошенным, понятым, специалистом правильности записи показаний или отражения того, что наблюдалось). Таким образом, процесс извлечения знаний есть в то же время и процесс их подтверждения, обоснования. Познавательная и удостоверительная стороны доказывания – не чередующиеся, а взаимодействующие элементы деятельности по собиранию доказательств.

Каждая из этих сторон на отдельных этапах доказывания может приобретать больший или меньший удельный вес. Так, при составлении обвинительного заключения, обосновании прокурором выдвинутого им в обвинительной речи тезиса, постановлении судебного приговора на первый план выступает удостоверительная, обосновывающая сторона доказывания. При собирании же и проверке доказательств наиболее активно проявляется познавательная сторона, в то время как обосновывающая, удостоверительная деятельность распространяется не на все выводы по делу, а лишь на фактические данные, полученные в результате следственного действия. С учетом этого в процессуальной науке термин «доказывание» традиционно употребляют в двух аспектах: для обозначения всей познавательной деятельности, осуществляемой органами, расследующими и разрешающими уголовное дело, с привлечением обвиняемого, потерпевшего, защитника и других лиц, и для обозначения деятельности по обоснованию утверждения, выдвинутого соответствующими участниками процесса¹⁶. В последнем случае речь идет об удостоверительной (обосновывающей) стороне доказывания, вычленение которой оправданно в чисто правовом аспекте – для определения круга субъектов, несущих бремя доказывания, а также освобожденных от нее. Однако употребление понятия «доказывание» в таком смысле вовсе не означает, что доказывание-познание «свободно» от доказывания-обоснования.

Таким образом, мы видим, что: а) доказывание в уголовном процессе и есть познание существенных обстоятельств дела, осуществляемое в особой процессуальной форме органом расследования, прокурором, судом, с участием лиц, наделенных для этого правами и несущих соответствующие обязанности; б) в уголовно-процессуальном доказывании органически сочетаются практические операции, направленные на извлечение знаний, и логические операции, направленные на обоснование истинности выводов. Присутствуя в каждом акте уголовно-процессуального познания, они образуют различные и в то же время взаимосвязанные неразделимые стороны уголовно-процессуального доказывания.

В процессуальной литературе много споров вызвал вопрос о том, всегда ли уголовно-процессуальное доказывание выступает в виде опосредованного познания явлений реальной действительности или оно хотя бы в какой-то части включает в себя и так называемое «непосредственное познание» таких явлений (фактов, обстоятельств). По мнению одних авторов, выясняемые в ходе уголовного процесса обстоятельства (факты) – это «явления прошлого», а потому и по уголовному делу они устанавливаются и осмысливаются на базе соответствующей информации, опосредованным путем¹⁷. Другие авторы полагают, что некоторые факты преступления доступны непосредственному восприятию исследователя. Это факты, касающиеся последствий совершенного преступления и имеющие материальный характер (например, последствия пожара, испорченная картина, обезображенное лицо потерпевшего), отдельные предметы преступной деятельности (например, фальшивые денежные знаки), некоторые пред-

¹⁶ См.: *Савицкий В.М.* Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 156–158; *Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С. 16–17.

¹⁷ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973. С. 6; *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 175–176; *Кудин Ф.М., Костенко Р.В.* Достаточность доказательств в уголовном процессе. Краснодар, 2000. С. 6–7; *Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность* / Под ред. В.А. Власихина. М., 2000. С. 36.

меты преступного посягательства (похищенные вещи и др.), место совершения преступления, факты, характеризующие личность лица, совершившего преступление (внешность, рост и т. п.)¹⁸.

Необходимо отметить, что ни один из названных фактов – не преступление и не часть преступления. Если под преступлением понимать общественно опасное действие или бездействие, то его последствия сами по себе не устанавливают факта преступления, так как аналогичные последствия могут быть, например, от несчастного случая. Вообще все перечисленное может быть воспринято как последствия преступления или продукты преступного посягательства только лишь путем допроса потерпевшего, свидетеля, осмотра, освидетельствования и других процессуальных актов.

«Специфика непосредственного знания, полученного посредством чувственного созерцания, заключается в прямом усмотрении истины без последующего доказательства»¹⁹. Такой подход является вполне правильным и даже необходим в познании, к примеру, явлений естественного мира (природы и т. д.). Что же касается социальных явлений, тем более связанных с решением человеческих судеб, то одна лишь ориентация на возможность познания каких-то обстоятельств исследуемого уголовного дела на основе только непосредственного познания чревата очень серьезными негативными последствиями, вплоть до осуждения невиновного. К тому же вынесение любого процессуального решения не на доказательствах, а лишь на основе чувственного восприятия фактов, являющихся лишь первой ступенью познаний реального мира, не согласуется ни с законом, требующим доказывания обстоятельств уголовного дела (ст. 73, 401, 434 и др. УПК РФ), ни с судебно-следственной практикой. В соответствии со ст. 297 УПК РФ и постановлением № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» «приговор может быть основан только на тех доказательствах, которые были непосредственно использованы в судебном заседании». Доказанность выдвигаемого положения предполагает его обоснованность, подтверждение его доказательствами. Никакое непосредственное чувственное восприятие не может означать познания этого факта имевшим место в действительности до тех пор, пока оно не будет доказано предусмотренными в законе средствами и способами и в установленной законом процессуальной форме. Чувственное восприятие неотделимо от мышления, это практически синхронные явления. Но в силу того что их предметом являются не любые факты вообще, а те, что органически связаны с совершением преступления, то и происходить они должны в рамках уголовного процесса с отражением их результатов в соответствующих процессуальных документах (в противном случае такие результаты не будут иметь юридического значения). Как правильно отмечает М.М. Михеенко, «с помощью непроцессуального познания нельзя полностью установить ни одного из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Каждое из таких обстоятельств, всю их совокупность и тем самым истину по делу можно установить только с помощью рационального познания, мышления, поэтому в целом уголовно-процессуальное доказывание является опосредованным познанием»²⁰.

Знания об обстоятельствах и фактах, подлежащих установлению по уголовному делу, и об их существовании всегда приобретаются только при помощи определенных средств, облеченных в предусмотренную законом уголовно-процессуальную форму, а именно посредством доказательств, полученных из перечисленных в ст. 76–84 УПК РФ источников, в результате производства предусмотренных ст. 86 УПК РФ процессуальных действий.

¹⁸ См.: Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора. М., 1959. С. 37; Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 606.

¹⁹ В мире научной интуиции. М., 1978. С. 140.

²⁰ Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев, 1984. С. 8.

Познание обстоятельств совершенного преступления и установление по делу объективной истины осуществляется путем уголовно-процессуального доказывания. Последнее носит исследовательский характер, и в нем, как отмечалось, органически сливаются две стороны процесса познания – мыслительная, с присущими ей логическими и психологическими свойствами, и практическая, основанная на предусмотренных законом процессуальных действиях.

Соотношения между отмеченными сторонами процесса познания могут меняться, но в конечном счете они всегда переплетаются и выступают в ходе уголовно-процессуального доказывания в виде единого целого. Действительно, на практике сама необходимость в проведении какого-либо процессуального действия вызывает вначале определенную мыслительную работу, но любая мыслительная деятельность получает свое юридическое значение только при условии выражения ее вовне, когда совершается должный правоприменительный акт. «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, я вступаю в сферу, подвластную законодателю», – указывал К. Маркс²¹. В сказанном проявляется и такой характерный для уголовно-процессуального доказывания признак, как его нормативное регламентирование. В УПК РФ, например, мы находим целый ряд правовых норм, указывающих на цели и задачи доказывания (ст. 6, 73, 74), а также регулирующих процесс собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 85–90). Сюда же относятся и нормы, закрепляющие принципы уголовного процесса (ст. 7–19, 20), полномочия субъектов уголовно-процессуальной деятельности, и нормы, регламентирующие порядок проведения следственных действий, и т. д. Из сказанного нетрудно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное доказывание представляет собой правовую деятельность.

А.Р. Ратинов считает, что «доказывание не исчерпывает путей познания в уголовном судопроизводстве»²². Да, отдельные знания, относящиеся к расследуемому (разрешаемому) уголовному делу, могут быть получены и непроцессуальным путем, из непроцессуальных источников (например, из сообщений прессы, в результате оперативно-розыскной деятельности органов дознания, частной детективной деятельности) и зафиксированы в непроцессуальной форме, но такая информация носит лишь сугубо ориентирующий характер. В качестве доказательств по конкретному уголовному делу она не может и не должна использоваться. Фактические данные, которые могут выступать в качестве доказательств по расследуемому уголовному делу, должны, как об этом будет сказано ниже, отвечать определенным требованиям, иметь специфические качественные свойства, в том числе и то, что они должны быть получены только из предусмотренных законом источников. Оперативно-розыскная деятельность среди них не значится. Полученная в результате такой деятельности информация может иметь доказательственное значение (стать доказательством) лишь при ее облечении в соответствующую процессуальную форму (вещественное доказательство, процессуальный документ, показания определенного участника уголовного процесса). Вне правового регулирования, вне процессуальной формы уголовно-процессуального доказывания нет и быть не может.

Уголовно-процессуальное доказывание немыслимо без познающего обстоятельства уголовного дела субъекта (в правоотношениях субъект всегда один из структурных элементов). Вопросу о субъектах уголовно-процессуального доказывания в пособии посвящается специальный раздел. Здесь ограничимся лишь указанием на то, что в нем, хотя и в разном объеме, могут участвовать практически все участники уголовного процесса. При этом для одних такое участие является их служебной процессуальной обязанностью в силу прямого предписания уголовно-процессуального закона (дознаватели, следователи, прокуроры, судьи); другие участвуют в уголовно-процессуальном доказывании потому, что оказываются поставленными в положение лиц, вынужденных отстаивать (охранять, защищать) свои или представляемые

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 14.

²² Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 290.

права и интересы при производстве по уголовному делу (подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные, потерпевшие, гражданские истцы и ответчики, их законные представители, защитники и т. д.), либо будучи вовлеченными в уголовный процесс в силу каких-то иных обстоятельств (эксперты, понятые и т. д.). Уголовно-процессуальное доказывание, как и любой иной вид человеческой деятельности, невозможен без его участников (субъектов).

Содержание уголовно-процессуального доказывания складывается из комплекса процессуальных действий и отношений, при помощи которого достигается его цель. Будучи строго урегулированными уголовно-процессуальным законом, эти реалии в своей совокупности представляют многогранную деятельность по установлению обстоятельств конкретного дела и определению их социально-правовой сущности. При всей своей взаимосвязи эти действия и отношения могут быть относительно самостоятельными элементами.

Заметим при этом, что в выделении элементов уголовно-процессуального доказывания нет единства. До недавнего времени чаще всего выделяли собирание, проверку и оценку доказательств²³.

Причем назывались они, как правило, этапами (стадиями) процессуального доказывания²⁴. Представляется, однако, что это не так. Слово «этап» означает стадию в развитии какого-либо процесса²⁵. Применительно к уголовному процессу мы можем вести речь о процессуальном доказывании на стадии возбуждения уголовного дела, производства по нему предварительного расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Мы видим, что понятие «этап доказывания» связано с описанием внешнего пути доказывания, с выделением наиболее значимых его периодов в установлении по делу объективной истины. Но на каждом этапе существует процессуальная деятельность и соответствующие процессуальные отношения, связанные с собиранием, проверкой и оценкой доказательств, образующих как бы внутреннюю структуру уголовно-процессуального доказывания. Причем такая структура уголовно-процессуального доказывания является единой для всех стадий движения уголовного дела (доказательства собираются, проверяются и оцениваются как в стадии предварительного расследования уголовных дел, так и в судебном разбирательстве его). Вместе с тем она едина и для всех уголовных дел, ибо такая деятельность осуществляется и по делам об убийстве и изнасиловании, краже и грабеже, хулиганству и другим преступлениям вне зависимости от степени их общественной опасности и других характеристик.

Сказанным, однако, содержание уголовно-процессуального доказывания не исчерпывается. Число его структурных элементов («составная часть чего-нибудь» и есть, по С.И. Ожегову, то, что обозначается как «элемент»²⁶) больше. Например, расследование уголовного дела начинается обычно с выдвижения следственных версий, предположения о наличии или отсутствии событий или фактов из числа имеющих значение для правильного разрешения дела, основанных на доказательствах и других фактических данных конкретного уголовного дела и построенных с учетом опыта расследования аналогичных дел²⁷. Таких версий по делу бывает, как правило, несколько. По каждой из них проводится определенная деятельность, связанная с собиранием доказательств, проверкой выясненных обстоятельств, оценкой средств доказывания, полученных знаний. Причем деятельность эта урегулирована уголовно-процессуальными нормами, а не является просто гипотетической, своеобразной чистой формой мышления. Содержание следственных версий органически связано с назначением уголовного судопроиз-

²³ См.: *Белкин Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1961; Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 298.

²⁴ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 302; *Белкин А.Р.* Теория доказывания. М., 2000. С. 29.

²⁵ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 937.

²⁶ Там же. С. 834.

²⁷ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 34.

водства, процессом доказывания и соответственно конкретным уголовным делом. В результате такой деятельности одни следственные (судебные) версии могут оказаться несостоятельными и отпасть, другие же получают свое подкрепление и развитие. Отсюда, если работа со следственными версиями составляет органическую часть процессуального доказывания, она является одним из его структурных элементов.

В качестве самостоятельного структурного элемента уголовно-процессуального доказывания необходимо также выделять обоснование выводов и решений по делу, так как процессуальное доказывание – это цепь принимаемых на базе собранных, проверенных и оцененных доказательств (их совокупности) процессуально значимых выводов и решений. Установив на основе фигурируемых в деле доказательств, что расследуемое преступление совершено, например, лицом, не достигшим возраста, с которого, согласно ст. 20 УК РФ, наступает уголовная ответственность, следователь вынужден принять решение о прекращении производства по уголовному делу. Придя же к выводу о том, что собранная совокупность доказательств подтверждает наличие в деянии всех элементов конкретного состава преступления, включая и виновность определенного лица в его совершении, следователь принимает решение о привлечении этого лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и т. д. Все сказанное в равной степени относится и к судебной деятельности в осуществлении правосудия по уголовным делам, поэтому обоснование выводов и решений есть «не просто оценка тех или иных качественных свойств доказательств (их совокупности)»²⁸, а именно следствие такой оценки, его результат, а потому и не выделять его в качестве самостоятельного структурного элемента уголовно-процессуального доказывания просто нельзя. Без него процессуальное доказывание в каждом конкретном случае и относительно каждого конкретного факта окажется, по сути дела, незавершенным.

Таким образом, мы приходим к выводу, что возможными элементами уголовно-процессуального доказывания выступают: построение и динамичное развитие следственных (судебных) версий; собирание доказательств и их источников по каждой из возможных версий; исследование (проверка) собранных доказательств и их источников; оценка имеющихся средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования); формирование и обоснование достоверных выводов и решений по делу. Как видим, структура уголовно-процессуального доказывания хотя и достаточно сложная, но объективно обусловлена, выработана следственно-судебной практикой. В связи с этим вряд ли есть необходимость низводить ее, как это следует из ст. 85 УПК РФ 2001 г., только до трех структурных элементов – собирания, проверки и оценки доказательств. При таком подходе собирание доказательств превращается в нечто всеобъемлющее, аморфное явление, включающее в себя и мыслительные (логические) операции по выдвижению, конструированию следственных версий, их просеиванию сквозь сито определенных практических действий и полученные от них результаты, и сложнейшую мыслительную и практическую работу, связанную с оперированием средствами уголовно-процессуального доказывания, получением из них доказательственной информации, анализом последствий и т. д. Конечно, трудно (а часто невозможно) провести между всеми структурными элементами уголовно-процессуального доказывания более или менее четкие границы, ибо все они, будучи тесно взаимосвязанными и взаимообусловленными, отражают те или иные стороны единого процесса доказывания по уголовному делу. Нельзя не учитывать, что в разные моменты уголовно-процессуального доказывания приоритетными становятся либо разработка версий и обусловленное ими конструирование плана расследования, либо совершение конкретных процессуальных действий, связанных с практической реализацией выработанного плана расследования (собирание доказательств). Надо полагать, что, понимая это, законодатель вслед за ст. 86 УПК РФ, посвященной собиранию доказательств, ввел ст. 87

²⁸ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 18.

УПК РФ о проверке доказательств. Далее располагается норма, посвященная уже оценке доказательств (ст. 88 УПК РФ). Если учесть, что все доказывание осуществляется для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела, что все полномочия дознавателей, следователей, прокуроров и судей (суда) связываются с принятием определенных процессуально значимых решений в целях успешного выполнения стоящих перед уголовным процессом задач, то нетрудно видеть, что законодатель не исключает из числа элементов уголовно-процессуального доказывания деятельность по обоснованию соответствующих выводов и принятию вытекающих из них процессуальных решений. Только об этом следовало бы сказать более конкретно. Равным образом это относится и к такому структурному элементу уголовно-процессуального доказывания, как построение и динамичное развитие следственных версий.

Таковы, на наш взгляд, содержание и структура уголовно-процессуального доказывания. Дополнив эту структуру указанием на правовой характер доказательственной деятельности, осуществляемой уполномоченными на это должностными лицами соответствующих государственных органов, и в целях наиболее успешного выполнения стоящих перед уголовным процессом задач, что предполагает установление по каждому расследуемому или разрешаемому уголовному делу объективной истины, мы получим следующее определение уголовно-процессуального доказывания: оно представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора и судьи (суда), выполняемую при участии всех иных субъектов доказывания по формированию возможных по делу следственных версий и их динамичному развитию, собиранию, проверке и оценке доказательств по ним, а равно по обоснованию достоверных выводов и принятию процессуально значимых решений для установления объективной истины по каждому конкретному расследуемому или разрешаемому уголовному делу.

В ходе работы с версиями, собирания и проверки доказательств по ним в определенной мере осуществляется и их оценка. Обоснование выводов и решений по делу невозможно без проверки и оценки доказательств. Вместе с тем на отдельных этапах движения уголовного дела тот или иной элемент уголовно-процессуального доказывания может проявляться более рельефно. На начальном этапе расследования уголовного дела особо значимой является деятельность по выдвижению следственных версий, собиранию и исследованию (проверке) доказательств по ним. На завершающем этапе расследования доминирует обычно оценка доказательств, которая очень важна в судебном разбирательстве уголовного дела. При постановлении приговора в совещательной комнате особую значимость приобретает как оценка всех имеющихся в уголовном деле доказательств, так и обоснование процессуально значимых выводов и решений по уголовному делу. Значимость двух последних элементов уголовно-процессуального доказывания особенно повышается и во всех так называемых проверочных стадиях уголовного процесса, при производстве в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, при возобновлении производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. Однако в каждом случае, в любой стадии уголовного процесса можно обнаружить и иные элементы уголовно-процессуального доказывания.

В процессуальной литературе А.А. Давлетовым обосновывается мысль о том, что в структуре уголовно-процессуального доказывания необходимо выделять не элементы, а «уровни познания» (автор, как отмечалось выше, уголовно-процессуальное познание и уголовно-процессуальное доказывание отождествляет), каждый из которых характеризуется: 1) собственным основанием; 2) своим итогом, результатом; 3) специфическими познавательными способами и средствами. Таких уровней он выделяет четыре. Первый представляет собой эмпирическую ступень изучения объекта доказывания при помощи таких способов познания, как наблюдение, эксперимент, моделирование, реализуемых в процессуальных действиях, посредством которых собираются доказательства, устанавливается их фактическая сторона. Задачей второго уровня познания является выяснение в результате проверки таких юридиче-

ских свойств (качеств) доказательств, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Основанием третьего уровня познания служат уже проверенные доказательства, а итогом – полученные в результате умозаключения знания о фактических обстоятельствах (фактах, явлениях) расследуемого или разрешаемого уголовного дела. Познавательная деятельность на четвертом уровне (ступени) познания в уголовном процессе представляет собой юридическую оценку фактов-явлений (обстоятельств конкретного уголовного дела). В отличие от первого уровня (эмпирического) последние три ступени познания, как утверждает автор такой концепции, образуют единый теоретический уровень, на котором знание приобретает рациональным мыслительным путем, при помощи умозаключений²⁹.

Представляется, однако, что, несмотря на весьма содержательное изложение, кажущуюся убедительность, указанная концепция не лишена и определенных изъянов. По С.И. Ожегову, уровень есть «степень величины, развития, значимости чего-нибудь»³⁰. При уровневом подходе к познанию значимость отдельных его ступеней становится неодинаковой (эмпирический уровень по отношению к теоретическому считается менее сложным). Между тем для познания обстоятельств уголовного дела одинаково значимыми являются как деятельность, например, по собиранию доказательств, так и по их оценке. Причем, как отмечалось, уголовно-процессуальное доказывание (познание) не представляет собой последовательную смену одних его структурных элементов другими. Зачастую наблюдается их синхронное проявление. Получение какой-то отдельной фактической информации по делу всегда сопровождается осмысливанием ее содержательной стороны, ее качественно-ценностных свойств и оценкой с позиции возможности служить доказательством по конкретному уголовному делу. В уголовно-процессуальном доказывании существует сложное переплетение (а не последовательная смена) отдельных его структурных элементов. Предложенный А.А. Давлетовым подход к уголовно-процессуальному познанию (доказыванию) применим, как нам представляется, преимущественно на теоретическом уровне. Между тем уголовный процесс (следовательно, и уголовно-процессуальное доказывание) во многом есть практическая правовая деятельность по выполнению стоящих перед ним задач, в наиболее успешном достижении которых и видится социальное значение (социальная ценность) такой деятельности. Заметим, что если в недалеком прошлом аксиологический, теоретико-ценностный подход к познанию явлений общественной жизни либо отрицался, либо к нему проявлялась определенная осторожность с тем, чтобы не нанести ущерба как науке, так и практике³¹, то впоследствии исследователи стали широко его использовать³².

Применительно к правовым явлениям ценностная характеристика дополняет существенно-содержательную оценку права обоснованием его значимости, полезности и пригодности в регулировании соответствующих общественных отношений, способствует тому, чтобы оно функционировало с максимальной пользой.

Нельзя не согласиться с тем, что социальная значимость (ценность) уголовно-процессуального права выражается в том, что «оно способствует достижению задач уголовного судопроизводства по быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и привлечению их к ответственности...создает гарантии прав личности в области борьбы с преступностью...систему процессуальных мер предупреждения преступлений...оказывает пози-

²⁹ Давлетов А.А. Уровни уголовно-процессуального познания // Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства: Свердловск, 1985. С. 9–16; *Он же*. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 135–146.

³⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 769.

³¹ См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 5.

³² См.: Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968; Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971; Иванов Ю.А. К аксиологической характеристике советского уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. Вып. 36.

тивное влияние на духовную жизнь общества, формирование его культуры»³³. Социальная значимость доказывания видится в ее способности служить достижению стоящих перед уголовным процессом задач, установлению по каждому расследуемому или разрешаемому уголовному делу истины, являющейся целью уголовно-процессуального доказывания.

1.2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Изложенное в предыдущем разделе позволяет нам четко определиться в том, что уголовно-процессуальное доказывание есть не что иное, как уголовно-процессуальное познание в действии, проявляющееся в деятельности его субъектов по достижению стоящих перед уголовным процессом задач. Нормативно-правовое регулирование такой деятельности и сложившаяся практика являются объективной реальностью. Последнее обстоятельство свидетельствует о возможности и необходимости применения к познанию сущности и содержания исследуемого следственно-прокурорскими и судебными органами криминального события общих закономерностей процесса познания реальной действительности. Будучи достаточно глубоко разработанными, такие закономерности в совокупности составляют содержание центрального раздела философии – материалистической диалектики, каковой и является теория познания – гносеология. Являясь «системой правил (требований), сформулированных на основе знания закономерностей исследуемой области действительности и ориентирующих человека в его познавательной деятельности»³⁴, гносеология выполняет роль метода (методологии) познания и тем самым ориентирует следователей, прокуроров и судей на выбор правильных, наиболее эффективных путей, средств и способов установления по каждому уголовному делу истины. «Без метода, – замечает А.А. Давлетов, – познающий подобен путнику без компаса и карты»³⁵.

При раскрытии методологической роли гносеологии необходимо исходить из следующих посылок.

Цель познавательной деятельности заключается в получении истинных знаний об изучаемых явлениях. Исследователя интересуют вопросы о том, что представляют собой предметы и явления, какие свойства, связи и закономерности присущи им. В гносеологии на основе глубокого анализа данных самых различных наук, взятых к тому же в историческом развитии, раскрываются общие для всех изучаемых явлений свойства, связи, отношения, законы. Опираясь на них, можно проникнуть в сущность конкретного явления, выдвинуть предположения о свойствах, связях и отношениях изучаемого объекта. Методологическое значение гносеологии заключается и в том, что она помогает исследователю выбрать правильный, наиболее рациональный метод, который способствует поиску наикратчайших путей к истинному знанию. Совсем не случайно Г.В. Плеханов отмечал, что «ошибка в результатах непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких, частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или иной частной истине»³⁶.

Диалектика как раз и позволяет выбрать наиболее целесообразный способ познавательной деятельности, правильно ее организовать и успешно разрешить проблему. В выборе конкретного метода велика роль исследователя. На выбор метода оказывает влияние и та цель, к достижению которой стремится человек. Определяется он и объектом познания, на который направлена деятельность человека. Именно специфические свойства объекта, отраженные в

³³ Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. С. 156–159.

³⁴ Шенатуллин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 10.

³⁵ Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 19.

³⁶ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 172.

сознании человека, помогают ему выбирать те или иные методы познания. Подчеркивая это обстоятельство, Гегель писал: «Метод не есть нечто отличное от своего предмета и содержания»³⁷.

Научный метод рассчитан на применение к познанию явлений объективной действительности наиболее общих законов развития природы, общества и мышления, на их единство, сформированное в ходе практической деятельности человека. Правильное же познание таких законов дает не идеализм в любых формах своего проявления, а только материалистическая диалектика, являющаяся и диалектикой бытия (объективная диалектика), и диалектикой постигающего истину мышления (диалектическая логика), и диалектикой процесса познания (теория познания, гносеология), рассматривающая свой предмет в историческом развитии, переходя от незнания к знанию. Только диалектика во всем богатстве ее содержания может служить теоретической основой объяснения мира и его познания. Именно единство и неразрывная связь всех сторон материалистической диалектики как логики и теории познания делают ее всеобщим научным методом познания действительности, определяют весь путь познавательного процесса от явления к сущности, от выявления внешних связей и отношений до обнаружения закона, от абстрактно-теоретических выводов до выработки конкретно-практических рекомендаций.

Только такое понимание методологической функции материалистической диалектики позволяет считать ее «главным источником света, который озаряет путь в поисках истины в любом исследовании, в том числе и в следственной практике»³⁸, дает общее направление научным поискам и помогает разработке более конкретных методов познания. Метод диалектического материализма является общенаучным именно благодаря тому, что на нем, как на своеобразном фундаменте, базируются и развиваются все другие научные методы познания объективной действительности. Отсюда – каждая наука имеет свою методологию. В этом отношении примечательным является высказывание П.Н. Федосеева о том, что «совокупность теоретико-познавательных принципов, обобщений, пояснений, выводов каждой науки образует ее методологию, соответствующую общенаучному методу диалектического материализма»³⁹.

Что же касается методологии правоведения, то ее можно определить как учение о применении существующего в обществе мировоззрения и основанных на гносеологических и идейных принципах теорий, конструкций, понятий и соответствующих методов, приемов, способов познания к исследованию объективных закономерностей возникновения, развития и наиболее эффективного использования права, конкретных правовых норм к решению стоящих перед обществом на том или ином этапе его развития задач. В данном определении охвачено главное: методологическую нагрузку в равной мере и синхронно несут и теория права (концептуальные понятия и принципы), и его методы во всех аспектах своего проявления. Только в органическом единстве теория и метод могут выполнять свое методологическое назначение.

Правоведение как система знаний о праве имеет известную дифференциацию на общетеоретические, отраслевые и специальные науки. В каждой из них охватывается соответствующий нормативный материал, который не порождает, а отражает существующие в данной науке объективные закономерности; каждая отрасль юридической науки выполняет комплекс задач по теоретическому освоению права, с помощью определенного набора методов познает право, вырабатывает необходимые практические рекомендации.

Как видим, есть все предпосылки для того, чтобы, наряду с выделением методологии правоведения в целом, выделять еще и методологию отдельных, более частных наук, в том числе и методологию познания в сфере уголовного процесса.

³⁷ Гегель Г.В. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 108.

³⁸ Лузгин К.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 9.

³⁹ Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. М., 1975. С. 454.

Внутри отдельной отрасли науки выделяются обычно системы теоретических знаний (положений, концепций), имеющих в своей основе определенные отношения. Являясь относительно обособленными внутри отрасли, они образуют подсистемы, институты. Такие институты хотя и имеют собственное, зачастую достаточно глубокое и сложное содержание, свою теорию, но в качестве отправных положений для них выступают теоретические концепции, принципы и методы той отрасли науки, составной частью которой является тот или иной институт.

Институт доказывания в уголовно-процессуальной науке занимает ведущую роль. Уголовный процесс есть своей большей частью не что иное, как уголовно-процессуальное доказывание. Без него невозможно установить по уголовному делу объективную истину, выполнить стоящие перед уголовным процессом задачи. Ни одно научное исследование в области уголовного процесса не может обойтись без соприкосновения с теми или иными проблемами уголовно-процессуального доказывания.

Исследователи проблем уголовно-процессуального доказывания, наряду со всеобщим диалектическим методом, широко используют методы и меньшей степени общности:

а) логической обработки материала (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналогия, гипотеза, обобщение, аксиома, формализация, моделирование, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному); б) исторический (генетический), применяемый для познания закономерностей в развитии изучаемого явления; в) сравнительный, предназначенный для выявления и распространения всего положительного, что имеется в тех или иных системах; г) кибернетический, основанный на изучении прежде всего поведения объекта в сложной динамической системе управления; д) системно-структурный, предназначенный для исследования функционирования сложноорганизованных систем, каковыми и являются, в частности, право и правовые институты, изыскания факторов, способных наиболее благоприятно воздействовать на их существование; е) математический, оперирующий таким абстрактным языком, на основе которого связь между явлениями, событиями, состояниями и их качественная определенность описываются с помощью категорий меры, соотношения, количества (в силу того, что математика выделяет количественные и пространственные формы, присущие всем без исключения предметам и явлениям, исследует их как нечто относительно самостоятельное, она и приобретает возможность своего применения во всех науках, включая и правоведение); ж) статистический, позволяющий за повторяемостью фактов видеть определенные закономерности; з) моделирование, когда возможность получения нового знания реализуется на мысленном или материализованном уровне воспроизведения исследуемого объекта.

При оперировании каждым из методов применительно к решению конкретной задачи используются частные приемы и процедуры (правила) исследования.

«Прием есть отдельное действие, движение», «способ осуществления чего-либо», в то время как «процедура» представляет собой «официальный порядок действий, выполнения, обсуждения чего-нибудь»⁴⁰. Как видим, процедуры устанавливают, описывают и закрепляют наиболее целесообразный порядок совершения действий, образующих содержание приемов, выступают в виде правил их применения. Если, к примеру, интервьюирование выступает в виде приема познания, то конкретные вопросы по его проведению (выбор времени, круга респондентов и т. д.), включая и форму (свободное, стандартизованное, массовое), составляют содержание процедуры такого исследования, как интервью.

Конкретный способ действия (вид приема) определяется как характером самой сферы познания и содержанием разрешаемых задач, так и тем, на каком этапе исследования этот прием используется.

⁴⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 542, 577.

Естественные науки оперируют своим набором приемов; социальные науки – другими (криминологическое изучение уголовных дел, идентификация в криминалистике).

В условиях широкой интеграции наук все более прочные позиции завоевывают правила и приемы, используемые как в сфере естествознания, так и социологии. Так, к примеру, любое выводное знание в социологии представляет собой по существу результат проведенного количественного и качественного (категории математики) анализа определенных явлений. Следует заметить, что в процессе взаимодействия происходит взаимообогащение наук. Существует потребность как в исследованиях «естественные науки – социальным», так и в обратном порядке.

Особенности приема находятся в прямой зависимости и от этапа проводимого исследования. Результаты последнего во многом предопределяются качеством предшествующей ему подготовительной деятельности. На этом этапе решаются такие вопросы, как выбор и уточнение самой темы (проблемы) исследования, определение его хронологических рамок, последовательности и конкретной процедуры проведения (будет ли она статистической, типологической, экспериментальной), объема подлежащего анализу материала, составление программы предстоящего изучения и уточнения содержания основных понятий, которыми предстоит пользоваться научному работнику, разработка форм фиксации тех данных, которые будут получены в ходе исследования (составление анкет, таблиц, шкал и т. д.). Нет сомнения в том, что при решении всех этих вопросов исследователь вынужден прибегнуть к самым различным приемам, носящим логический, технический или иной характер.

Ответственным этапом исследования является сбор и накопление фактического материала. Можно применить для обработки и анализа полученных данных сложные методы, дорогостоящую технику, однако результаты и выводы окажутся недостоверными, если были нарушены правила сбора информации. Полученная информация должна быть надежной и адекватной, репрезентативной и объективной, ибо только в таком случае конечные выводы и результаты будут правдивыми. На этом этапе можно широко использовать такие приемы, как изучение документов, анкетирование, интервьюирование, наблюдение.

При обработке полученной информации, наряду с широким применением логических приемов, используются статистические, математические, технические приемы.

При классификации методов по характеру получаемого в результате их применения знания различают методы эмпирического и теоретического познания.

Эмпирические исследования есть сбор сведений о фактах, о практике. Обязательным свойством их является непосредственный контакт с изучаемым явлением, информация о котором может быть получена лишь в результате определенных операций, таких как собирание, накопление, отбор и классификация фактов. Специфическими методами этого уровня научного познания являются наблюдение, описание, измерение, эксперимент, дающие фактический материал для сравнения и статистического анализа.

На теоретическом уровне познания контакт с изучаемым явлением осуществляется опосредованно, новое знание (формирование понятий, категорий, гипотез, теорий) рождается в результате критического осмысления уже имеющегося научного багажа. В качестве основного рабочего инструмента выступает здесь мыслительная деятельность, опирающаяся на такой сложный аналитико-систематический процесс, как восхождение от конкретного к абстрактному, и обратно, на использование логического, исторического, системно-структурного приемов, а также идеализации, аналогии, моделирования.

Но процесс научного познания нельзя представить упрощенно: сначала эмпирия, а затем – теория. Эмпирические исследования, связывая практику с теорией, сами нуждаются в теоретическом обосновании. Теория разрабатывает гипотезы, которым подчинен выбор направлений, объектов и конкретных методов эмпирического исследования. Теория же обеспечивает научную интерпретацию собранного фактического материала. Диалектико-материалистиче-

ский путь познания истины един – «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике»⁴¹. Единством характеризуются и используемые при этом методы познания, находящиеся между собой в устойчивой иерархической связи, потому что каждый метод зависит от предшествующих ему в познании приемов и, в свою очередь, позволяет получить материал, выступающий исходным началом последующего познания, осуществляемого при помощи других методов.

Вместе с тем отмеченное единство не исключает, а предполагает известную дифференциацию методов научного познания. Так, при онтологическом подходе к изучению уголовно-процессуального доказывания, основанного на изучении внутреннего содержания соответствующих правовых норм с точки зрения их возможностей по обеспечению требуемого регулятивного воздействия в данной области общественных отношений, используются главным образом теоретические методы. При феноменологическом подходе, направленном на изучение внешнего функционирования права, результатов практической деятельности по применению конкретных средств уголовно-процессуального доказывания, преобладают методы эмпирические.

В зависимости от степени разработанности процесса получения выводного знания выделяют методы строго формализованного и содержательного мышления.

При формализованном мышлении к истинному знанию приводит уже одно лишь строгое соблюдение правил вывода. В качестве возможных методов и приемов познания здесь выступают абстрагирование, изучение и обобщение различных форм связей и отношений между исследуемыми явлениями в отвлечении их от содержания. Причем сами эти связи и отношения выражаются в виде символов и формул. Пронизывая науку логику и все точные науки (в первую очередь – математику), формализованное мышление все более проникает в сферу социальных отношений, в том числе и в правоведение. Последнему способствует, в частности, создание и внедрение в практику автоматизированной системы управления.

Но знаки и символы лишь тогда могут выступать в виде средств отражения действительности, когда за ними кроется реальное содержание. Отсюда формализация как метод познания в науках, в которых преобладает содержательный анализ материала, играет только вспомогательную роль. В юридических науках формализация может использоваться лишь строго под контролем диалектического метода и лишь в тесной связи с другими методами.

При содержательном мышлении заранее определенный алгоритм решения мыслительной задачи отсутствует; в качестве возможного пути достижения истинного знания выступает, прежде всего, непосредственный анализ фактов, событий, явлений. Методы содержательного мышления, используемые при этом приемы позволяют осуществлять конкретный анализ конкретной действительности, учитывая все особенности изучаемого объекта, его связи и отношения в определенных условиях, месте и времени. При этом одним из главных принципов жизнедеятельности содержательных методов является принцип конкретности истины. Следовательно, методы и приемы содержательного мышления в научном познании, разнообразностью которого является и уголовно-процессуальное доказывание, играют решающую роль.

Необходимо отметить, что использование в уголовно-процессуальном доказывании названных выше приемов и методов возможно лишь на основе принципов диалектики, в полном согласовании с ее законами и категориями. Как основополагающие положения всякого научного познания такие принципы выступают в монолитном единстве. Вместе с тем их можно представить в виде некоторой системы. Ее ядро составляют принципы, непосредственно связанные с основным вопросом философии – материальностью, отражением и первичностью материи по отношению к сознанию. К основным гносеологическим принципам относятся

⁴¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 152.

такие, как познаваемость явлений материального мира, объективность и всесторонность их исследований, историзм, изучение явлений в развитии, конкретность.

Всякое познание представляет собой процесс проникновения в изучаемый объект. Его необходимыми этапами выступают чувственно-предметное восприятие явлений внешнего мира и логическое мышление, находящиеся между собой в диалектическом единстве и одинаково опирающиеся на живую человеческую практику.

Следование принципу объективности предполагает необходимость познания явления по действительно присущим ему (а не кажущимся) признакам, во всем многообразии всех его связей, в диалектике возникновения и развития. Причем эти признаки и связи должны носить характер существенности, то есть быть такими, благодаря которым познаваемое явление могло быть выделено из множества других, стать конкретным явлением.

В силу того, что социальная действительность находится в состоянии непрерывного развития, познание того или иного явления становится невозможным без учета этого фактора. Необходимость рассмотрения явления в развитии, во всем многообразии заключенных в нем связей обуславливается потребностью отделить в изучаемом явлении устойчивое, существенное от случайного, наносного, незакономерного. Отсюда – принцип объективности и есть та самая точка опоры, которая позволяет преодолеть субъективизм в оценке существа познаваемого явления. Если учесть еще и то, что любое явление познается лишь в связи с конкретными условиями его бытия, то есть все основания отнести принцип объективности к числу исходных принципов научного исследования. В то же время принцип объективности не может выполнить своего методологического назначения, если взять его вне связи с другими принципами материалистической диалектики, в частности с принципом конкретности.

При изучении сущности социального явления мы должны иметь в виду не только совокупность его связей и отношений с другими явлениями, но и те специфические особенности, которые характерны только для данного явления. Именно эти особенности и характеризуют исследуемое явление в его односторонней определенности как отдельный момент, сторону конкретного. Будучи взятыми в точно известных условиях бытия, эти свойства, стороны и отношения позволяют с помощью определенной понятийно-категориальной системы объективно познать интересующие нас явления.

Как видим, принцип конкретности в оценке социальных явлений предполагает необходимым исходить из конкретных, взятых в данный момент обстоятельств, позволяет анализировать их в динамике, в разрешении противоречий, с учетом всех происходящих в них процессов. Необходимость учета конкретных обстоятельств бытия изучаемого явления одновременно и составной компонент принципа историзма, в силу которого исследуемое явление прослеживается в своем возникновении, развитии и функционировании. Процесс развития общественных явлений происходит во времени, и поэтому все такие явления имеют историю собственного развития. Историзм является законом объективного мира и важнейшим условием научного подхода к его изучению. Диалектико-материалистический анализ конкретного этапа общественного развития позволяет не только верно оценить предшествующую практику, современное состояние дел, но и научно предвидеть тенденции будущего и определить главные направления движения вперед.

Методологическое значение законов и категорий материалистической диалектики в познании сущности уголовно-процессуального доказывания как в целом, так и отдельных его элементов заключается в том, что они выступают в качестве «узловых элементов», «ступенек», «опорных пунктов» в общей цепи познавательного процесса.

Основу всей диалектической концепции составляет закон единства и борьбы противоположностей. Сущность его заключается в том, что: а) всем предметам и явлениям реального мира присущи определенные противоположности, характеризующиеся тем, что они коренным образом отличаются друг от друга и вместе с тем не могут существовать друг без друга; б)

«борьба», взаимоисключение, несоответствие противоположностей дают толчок изменению и развитию предметов и явлений. В силу того, что диалектика есть наука о развитии, рассматриваемый закон и дает ответ на вопрос об источнике, двигательной силе развития, раскрывает его внутреннее содержание.

Основное методологическое требование к научному познанию, определяемое законом единства и борьбы противоположностей, формулируется как принцип диалектической логики – обнаружение, исследование противоречий, их развития в самой сущности изучаемых процессов. При этом под диалектическим противоречием понимается такое сущностное отношение противоположных сторон (моментов, тенденций и т. п.) внутри системы, которое делает эту систему само движущимся единым целым.

Закон единства и борьбы противоположностей вскрывает причину происхождения развития. Но важно знать также и его механизм (какие изменения претерпевают предметы и явления, как эти изменения связаны между собой), который раскрывается в законе материалистической диалектики о переходе количественных изменений в качественные, сущность которого выражается в том, что количественные изменения по достижении определенного момента (границы, меры) вызывают качественные изменения, а качественные изменения в свою очередь приводят к определенным количественным изменениям.

Основное методологическое требование закона перехода количественных изменений в качественные может быть сформулировано в виде принципа диалектической логики: единство качественного и количественного анализа изучаемых предметов и явлений, исследование диалектической взаимосвязи между ними.

Поскольку каждое явление обладает только присущим ему качеством, в силу которого оно отличается от других явлений, постольку и познание его должно начинаться с выявления основных свойств, компонентов этого качества. При этом следует иметь в виду, что изучаемому явлению всегда присуще множество свойств, одни из которых выступают в качестве существенных, определяющих, а другие играют второстепенную роль. Первые из них отражают предназначение явления, его место и роль среди других, а потому их обычно бывает вполне достаточно для решения практических задач. В случаях, когда речь идет о раскрытии законов развития тех или иных явлений, возникает необходимость в исследовании всей сложной системы свойств на более высоком теоретическом уровне.

Если для определения, к примеру, места и назначения уголовно-процессуального доказывания в уголовном процессе достаточно выделения лишь его сущностных признаков, то исследование используемых при этом средств предполагает анализ и таких свойств, которые характеризуют индивидуальные качественные признаки таких средств.

Но качественный анализ явления невозможен в отрыве от количественной характеристики его свойств. Количественные изменения в объекте определяют и его качественные изменения. Познать же механизм и форму перехода изучаемого явления в новое качественное состояние – значит в определенной мере управлять этим процессом. Принцип перехода количественных изменений в качественные дает возможность правильно понять сам процесс развития общественной жизни, вскрыть механизм превращения социальных явлений из одного качественного состояния в другое и на этой основе понять их сущность и предвидеть ход их дальнейшего развития. В сказанном здесь заключается методологическое значение рассматриваемого нами закона.

Процесс развития представляет собой бесконечную цепь диалектического отрицания старого новым. Возникающее и утверждающееся новое сохраняет в себе положительные элементы свойства старого. Но со временем оно тоже устаревает и поэтому отрицается другим явлением. По отношению к первому отрицанию данное отрицание является уже отрицанием

отрицания⁴². На более высокой ступени развития происходит как бы возврат к старому, повторяются некоторые стороны и черты процессов, имевших место на низших ступенях, но на другом качественном уровне. Процесс развития в целом выступает в виде поступательного, прогрессивного перехода от старого к новому, от менее совершенного к более совершенному, имеет спиралевидный характер. В этом суть отрицания отрицания как закона материалистической диалектики.

Являясь всеобщим законом развития действительности, закон отрицания отрицания выступает и как закон научного познания, основное методологическое требование которого можно сформулировать как принцип диалектической логики – диалектическое отрицание в процессе научного познания, преемственность в развитии.

Существенная роль в процессе познания принадлежит отдельным категориям материалистической диалектики, в том числе таким, как сущность и явление, содержание и форма, возможность и действительность, структура, цель и др. Каждая из таких категорий раскрывает какую-то одну сторону действительности, одну ее закономерность, а в совокупности они отражают сущность окружающих явлений. Жизнь сложна и многообразна. Только глубокий, все-сторонний диалектический анализ всех сторон, всех связей изучаемого явления может привести к успеху. А этого можно достичь только с помощью понятийно-категориального аппарата данной конкретной науки и философских категорий. Дело в том, что категории являются не только узловыми пунктами познания объективной действительности, аппаратом научного мышления. Будучи сами отражением явлений объективного мира, их свойств, связей и отношений, научные понятия, категории являются инструментом дальнейшего движения человеческой мысли по пути все более глубокого познания действительности.

Обстоятельный анализ философских понятий, закономерностей, принципов, законов и категорий имеет своей целью их практическое использование в любой деятельности, включая и конкретную уголовно-процессуальную деятельность, в частности уголовно-процессуальное доказывание.

1.3. СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Доказывание по уголовным делам представляет сложную систему взаимосвязанных уголовно-процессуальных действий и возникающих при этом уголовно-процессуальных отношений. Структурным же элементом любого правового отношения, как известно, является его субъект, имеющий определенные права и обязанности. Одним из субъектов уголовно-процессуального отношения всегда выступает орган государства (должностное лицо), наделенный властными полномочиями, обязанный в силу этого при наступлении определенного юридического факта совершить предписанные ему законом действия, реализовать свои полномочия. Без такого субъекта вообще немыслимо познание обстоятельств расследуемого или разрешаемого уголовного дела. Между тем (и это мы считаем необходимым отметить особо) вопрос о субъектах уголовного процесса сегодня должным образом не разработан. Исследованию данной проблемы посвящены лишь несколько работ, выполненных к тому же 30–40 лет назад⁴³. Что же касается субъектов уголовно-процессуального доказывания, то их комплексному исследованию посвящена практически лишь монография Ц.М. Каз⁴⁴. Однако, как нам представляется, и в этой специальной работе содержатся отдельные положения, влекущие непринятие или требующие уточнения. К их числу относится и исходная посылка автора, определяющая

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 296.

⁴³ См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961; Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970.

⁴⁴ См.: Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968. С. 32.

субъектов доказывания как просто участников уголовного процесса, осуществляющих процессуальные функции⁴⁵. Такое определение вызывает, скорее, новые вопросы, чем отвечает на вопрос о том, кто же понимается под субъектами (субъектом) уголовно-процессуального доказывания. Возникает необходимость раскрывать само понятие уголовно-процессуальных функций, определять их виды и лиц, участвующих в их осуществлении, характер и содержание их деятельности.

Следует также отметить, что, перечисляя конкретных субъектов уголовно-процессуального доказывания по уголовному делу, процессуалисты занимают разные позиции. Нетрудно увидеть попытки определения различий между такими категориями, как «субъект уголовно-процессуальной деятельности» и «участники уголовного процесса»⁴⁶. Кстати, в наименованиях монографических работ Р.Д. Рахунова и В.Н. Шпилева это видно наглядно. К первым из них обычно относят должностных лиц правоохранительных органов государства, а ко вторым – всех остальных участников уголовного процесса. Определенный повод для этого давал и УПК РСФСР 1960 г. Третья глава в ней называлась «Участники процесса, их права и обязанности». И речь в соответствующих статьях данной главы шла об обвиняемых, защитниках, подозреваемых, потерпевших и т. д. (ст. 46–57). Что касается полномочий дознавателей, следователей, прокуроров, судей, то о них речь шла в совершенно иных разделах УПК РСФСР (см. ст. 118–120, 127–127¹, 211, 221 и др.). В УПК РФ 2001 г. положение несколько изменилось. Все субъекты уголовно-процессуальной деятельности объединены в одном втором разделе. В отдельной главе речь идет о полномочиях суда (гл. 5); глава шестая посвящена полномочиям участников процесса со стороны обвинения, седьмая – полномочиям участников процесса со стороны защиты, в восьмой главе регулируются права и обязанности так называемых «иных участников» (свидетелей, экспертов и др.). Такая дифференциация участников уголовного процесса обусловлена состязательной формой его построения и равенством стороны обвинения и стороны защиты, в частности, в том же уголовно-процессуальном доказывании.

Некоторые юристы, представляющие те или иные отрасли права, позволяют себе отходить от положений, разработанных в общеметодологической для всего правоведения науке, именуемой «Теория государства и права». В теории правоотношений уже давно устоялось и апробировано суждение о том, что одним из структурных элементов правового отношения, в том числе и уголовно-процессуального, является его субъект с такими качественными характеристиками, как правоспособность и дееспособность. Надо ли конструировать то, что уже давно состоялось и, как свидетельствуют теория и практика юриспруденции, не требует какого-либо обновления, корректировки.

Понятие «субъект правоотношения» производно от наименования «субъект права». Субъект права есть «носитель юридических прав и обязанностей»⁴⁷. В энциклопедическом словаре дается более развернутая характеристика субъекта права как физического или юридического лица, наделенного по закону способностью иметь права и принимать на себя юридические обязанности⁴⁸. Вот та «печка», от которой, как представляется, и следует «танцевать» при трактовке такого понятия, как субъект уголовно-процессуального доказывания.

Субъект права – это прежде всего физическое или юридическое лицо, участник общественных отношений, который может быть носителем как субъективных юридических прав, так и обязанностей. Лицо это должно обладать определенными качествами, связанными со свободой воли, а именно: а) иметь внешнюю обособленность; б) обладать персонификацией

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Советский уголовный процесс / Под ред. И.В. Тыричева. М., 1985. С. 51–62; Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 440–464.

⁴⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 714.

⁴⁸ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 1294.

(т. е. выступать вовне в виде единого лица – персоны); в) осуществлять способность вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю. Другая наиболее характерная черта состоит в том, что именно юридические нормы образуют обязательную основу выступления физического или юридического лица как субъекта права.

По мнению С.С. Алексеева, «если социальной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли человека, то ее содержание... состоит в том, что лица обладают способностью быть носителями юридических прав и обязанностей. Эта способность (свойство) и называется “правосубъектность”»⁴⁹. Понятия «субъект права» и «правосубъектность» в основе своей равны, достаточно широки, но отличаются от понятия «субъект правоотношения». Субъектом права является лицо, обладающее правосубъектностью, способностью быть участником правоотношений. Субъектом же правоотношений является некий реальный участник конкретных правовых отношений. В силу того, что уголовно-процессуальное доказывание есть специфическая разновидность правоотношений, в дальнейшем изложении речь пойдет только о субъектах уголовно-процессуального доказывания.

Достаточно сложным в процессуальной литературе представлен вопрос о возможной классификации всех субъектов уголовно-процессуального доказывания.

По мнению И.Л. Петрухина, все такие субъекты классифицируются на две группы. К первой из них он относит государственные органы, ответственные за уголовное дело на каждой стадии уголовного процесса. Это – органы дознания, лицо, производящее дознание, следователь, начальник следственного отдела, прокурор (в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования), суд. Ко второй группе субъектов уголовно-процессуального доказывания автор относит как государственные органы (прокурор в суде, гражданский истец и гражданский ответчик – юридические лица), так и граждан, их представителей, отстаивающих в уголовном деле соответственно государственный или собственный (представляемый) законный интерес, а также представителей общественности⁵⁰. Представляется, однако, что при классификации субъектов уголовно-процессуального доказывания необходимо исходить из их роли в доказывании, характера совершаемых при этом процессуальных действий по доказыванию тех или иных обстоятельств дела.

Мы уже отмечали, что субъектом права является носитель прав и обязанностей, поэтому и субъектом любой деятельности будет тот, кто совершает действия и вступает в отношения, составляющие содержание этой деятельности.

Из этого следует, что субъектами уголовно-процессуального доказывания должны признаваться органы и лица, которые уполномочены в установленном законом порядке выражать свое мнение об исследуемых фактах, собирать и представлять доказательства и их источники, самостоятельно проверять или участвовать в их проверке и оценке, обосновывать свои выводы и принимаемые процессуальные решения по делу.

К субъектам уголовно-процессуального доказывания относятся судьи, лица, проводящие дознание, следователи, прокуроры, частные обвинители, защитники, подозреваемые, обвиняемые (подсудимые), потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики, их представители. В действиях всех перечисленных лиц имеются те или иные элементы уголовно-процессуального доказывания, хотя их объем, содержание и формы различны.

Указанный перечень субъектов уголовно-процессуального доказывания является, на наш взгляд, исчерпывающим. Представить доказательства и их источники могут и другие участники процесса (свидетели, эксперты, специалисты, понятые, переводчики и др.), но их участие в уголовном процессе только этим и ограничивается.

⁴⁹ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. С. 139.

⁵⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 494–501.

Отдельные процессуалисты при классификации субъектов уголовно-процессуального доказывания исходят из их отношения к обязанности осуществлять доказывание и тем самым делят соответствующих субъектов на три группы: а) лица, несущие обязанность доказывания; б) лица, на которых лежит обязанность участия в процессе доказывания; в) лица, освобожденные от обязанности участия в процессе доказывания⁵¹.

Данная классификация, по нашему мнению, страдает некоторыми недостатками. Представляется неубедительным такой отличительный признак первых двух групп: если какое-либо лицо обязано участвовать в доказывании, то тем самым оно не может нести какой-то обязанности по доказыванию. Далее, еще более неубедительным выглядит положение, когда для предлагаемой классификации учитывается лишь одна сторона полномочий субъектов уголовно-процессуального доказывания – обязанность, и не принимается во внимание другая сторона – права субъектов. По нашему мнению, одинаково важны как объем возможного поведения, так и должного поведения для объективной характеристики положения любого субъекта уголовно-процессуального доказывания. И наконец, неудачно объединение в одной группе таких лиц, как, например, защитника и представителя гражданского истца, которые выполняют различные роли в процессе уголовно-процессуального доказывания.

Существует и другой подход к классификации субъектов уголовно-процессуального доказывания. Так, П.А. Лупинская в качестве критерия для такой классификации называет «путь получения знаний о рассматриваемых обстоятельствах и цель доказывания»⁵² и уже на этой основе делит субъектов уголовно-процессуального доказывания на две группы. Первую из них составляют органы суда, прокуратуры и предварительного расследования, а вторую группу составляют все другие участники процесса. Такая классификация нам представляется тоже несостоятельной. Действительно, «путь получения знаний о рассматриваемых обстоятельствах» по делу может быть одним и тем же и для прокурора и для защитника, но они отнесены автором предлагаемой классификации к разным группам. Что же касается «цели доказывания», то она, как отмечалось, для всех единая – объективная истина по уголовному делу.

Некоторые процессуалисты классифицируют субъектов уголовно-процессуального доказывания по другому критерию – по их процессуальному интересу. Но и здесь имеются различия. У одних авторов субъекты доказывания подразделяются на две группы: первая – это государственные органы, ответственные за уголовное дело на каждой стадии уголовного процесса; вторая – это государственные органы, граждане и их представители, отстаивающие в уголовном деле соответственно государственный, свой собственный или представляемый интерес⁵³.

Представляется, что критерий такой классификации наиболее состоятелен. Действительно, интересы различных субъектов уголовно-процессуального доказывания не равны. Но, используя именно критерий интереса всех субъектов уголовно-процессуального доказывания, классифицировать их надо бы по следующим трем группам. К первой группе отнести органы, осуществляющие доказывание от имени и в интересах государства: органы дознания, следствия, прокуратуры и суда. Должностные лица этих государственных органов несут всю ответственность за полноту доказывания, а также за достижение объективной истины по каждому уголовному делу. Вторую группу составят лица, участвующие в уголовно-процессуальном доказывании для защиты своих или представляемых интересов. Это подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), частный обвинитель, потерпевший и его представитель, гражданский истец и его представитель, гражданский ответчик и его представитель. К третьей группе субъектов уголовно-процессуального доказывания представляется вполне логичным отнести лиц, участвующих в доказывании только для защиты интересов отдельных участников процесса, т. е.

⁵¹ См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 627–629.

⁵² Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 24.

⁵³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 494–501.

защитников. Последние выступают в уголовно-процессуальном доказывании от своего имени и при этом сочетают свои профессиональные задачи с интересами подзащитного, поскольку законом на них возложена задача защиты интересов отдельных участников судопроизводства.

Предлагаемая классификация, по нашему мнению, достаточно точно отражает значение, положение и роль каждого субъекта уголовно-процессуального доказывания. Ведущая роль в уголовно-процессуальном доказывании принадлежит субъектам доказывания первой группы. В уголовно-процессуальном законе достаточно четко определены стоящие перед такими субъектами задачи: они возбуждают уголовное дело; определяют ход уголовного процесса; принимают все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела; решают вопросы о виновности или невиновности обвиняемого, обеспечивают исполнение приговора, разъясняют участникам процесса их права и обеспечивают возможность осуществления этих прав. В предусмотренных законом случаях такие субъекты доказывания имеют право применять к отдельным лицам (в первую очередь, к подозреваемым и обвиняемым) меры пресечения и иные меры процессуального принуждения (задержание, обыск, наложение ареста на имущество и т. д.).

Любой правоохранительный орган и соответствующее должностное лицо, осуществляющее доказывание от имени и в интересах государства, наделены для этого достаточными полномочиями вплоть до применения оперативно-розыскных мер и следственных действий для обнаружения признаков преступления и совершивших его лиц. На органы дознания (органы внутренних дел Российской Федерации, судебные приставы разных звеньев, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, капитаны морских и речных судов, находящиеся в дальнем плавании, руководители геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от места расположения органов дознания, главы дипломатических представительств и консульских учреждений РФ) возлагается дознание по делам о преступлениях, перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, а также выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия (ст. 157 УПК РФ).

Начальник органа дознания возлагает обязанность производства дознания на дознавателя, который по расследуемому им уголовному делу уполномочен самостоятельно проводить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения. Исключение здесь составляют случаи, когда для производства действия или принятия решения требуется согласие начальника органа дознания, а также получение судебного решения и (или) санкции прокурора.

Весьма значимая роль в уголовно-процессуальном доказывании принадлежит органам предварительного следствия – следователям прокуратуры, органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, налоговой полиции, начальникам следственных органов.

Местонахождение следователя в том или ином ведомстве не влияет на его процессуальное положение. Его единственным процессуальным предназначением во всех случаях и при всех обстоятельствах является лишь производство по уголовным делам предварительного следствия (ст. 38 УПК РФ).

Сегодня можно и нужно разрабатывать меры по улучшению качественного состава следственного аппарата в целом, повышению качества проводимого следователями предварительного следствия, а также реорганизационные меры в направлении создания единого следственного ведомства. Но ставить под сомнение необходимость следственного аппарата вообще, а вместе с тем и следователей, в условиях существующей в настоящее время преступности, организованных форм ее проявления нелогично, нельзя, да и опасно.

Процессуальные полномочия следователя как самостоятельного субъекта уголовно-процессуального доказывания обусловлены предназначением и конкретными задачами уголовного процесса. Следователь обязан возбуждать уголовные дела в случае обнаружения признаков

преступления и лиц, виновных в его совершении. Руководящими основами деятельности следователя являются неуклонное соблюдение установленного законом порядка расследования преступлений, полнота, всесторонность и объективность в исследовании обстоятельств уголовного дела. Необходимо подчеркнуть, что все решения о направлении следствия и о производстве следственных и иных процессуальных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения и (или) санкции прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основываясь на всестороннем, полном, объективном рассмотрении всех обстоятельств дела, всех доказательств в их совокупности, руководствуясь законом и совестью.

Прокурорский надзор за законностью проведения следствия не только не лишает следователя процессуальной самостоятельности и не умаляет его авторитета, а, напротив, наряду со строгой процессуальной регламентацией всей деятельности следователя, обеспечивает соблюдение законности при производстве предварительного следствия и охрану прав и законных интересов обвиняемого и других участников процесса.

Следователь по расследуемым делам вправе давать органам дознания поручения и указания о производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Непременным условием для успешного раскрытия преступления является умелое сочетание оперативно-розыскных и следственных действий, правильно организованное взаимодействие должностных лиц правоохранительных органов как друг с другом, так и с другими органами и населением. Все постановления следователя, вынесенные в соответствии с законом по находящимся в его производстве уголовным делам, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Прокурор как субъект уголовно-процессуального доказывания и как сторона обвинения осуществляет от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Прокурор вправе по возбужденному уголовному делу поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо самому произвести по нему предварительное следствие, осуществлять другие действия и принимать решения в пределах предоставленных ему Федеральным законом о прокуратуре Российской Федерации и УПК РФ полномочий. В судебном разбирательстве по первой инстанции и в апелляционном производстве прокурор осуществляет уголовно-процессуальное доказывание посредством своего участия в расследовании уголовных дел, в исследовании доказательств и иных средств доказывания в ходе судебного следствия, в выступлении с обвинительной речью в процессе судебных прений. При пересмотре судебных приговоров в кассационном и надзорном порядке прокурор обосновывает законность и обоснованность такого акта, а в случае принесения им протеста и свои доводы на предмет пересмотра (отмены или изменения) судебного приговора.

Среди органов и лиц, отнесенных нами к первой группе субъектов уголовно-процессуального доказывания, особое место по праву принадлежит судье и суду. В соответствии со ст. 118 Конституции РФ суд является единственным органом, на который возложено осуществление правосудия. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Основное содержание правосудия заключается в разрешении спорного вопроса по существу. В гражданском процессе – это разрешение исковых притязаний (требований); в уголовном процессе – фигурирующее по уголовному делу обвинение.

Сформулированное органами предварительного расследования обвинение разрешается в суде на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств кон-

кретного уголовного дела. Только такой анализ собранных по делу доказательств и делаемый на основе их оценки вывод о виновности (невиновности) подсудимого является базой постановления законного, обоснованного и справедливого судебного приговора. Вместе с тем судебная практика свидетельствует о том, что не всякий приговор суда первой инстанции содержит в себе объективную истину по делу. В силу этого и предусмотрена возможность его пересмотра в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Констатация такими судами незаконности и необоснованности пересматриваемого в этих судебных инстанциях приговора есть и одновременная констатация факта, что суд первой инстанции не дал точного, однозначного ответа на вопрос о виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом преступлении.

Разрешение судом обвинения по существу и его возможная корректировка в вышестоящих судебных инстанциях и образуют в своей совокупности содержание правосудия по уголовным делам⁵⁴.

Исследуя в судебном заседании имеющиеся по уголовному делу доказательства, давая доказательствам свою оценку и обосновывая выносимый приговор (обвинительный или оправдательный) либо принимая иное решение по разрешаемому уголовному делу или постановленному судебному приговору, суд (судья) выступает тем самым в качестве самого активного субъекта уголовно-процессуального доказывания.

Сказанное о роли судов в уголовно-процессуальном доказывании не меняется в зависимости от того, осуществляется ли правосудие единолично судьей или в составе коллегии, в том числе и в суде присяжных. Отдельные особенности проявляются лишь в формах и процедурах проведения судебного разбирательства. Даже когда законодатель допускает некоторое упрощение порядка судебного разбирательства в случаях согласия подсудимого с обвинением (гл. 40 УПК РФ 2001 г.), с суда не снимается ответственность за принятие законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Обладая властными полномочиями, каждый из входящих в состав первой группы субъектов уголовно-процессуального доказывания должностных лиц должен обладать еще и определенными профессиональными и нравственными качествами, позволяющими им в ходе расследования и разрешения дела действовать с максимальной отдачей в плане наиболее успешного выполнения стоящих перед уголовным процессом задач.

Законом однозначно решен вопрос о том, что обязанность доказывания виновности обвиняемого и опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого и обвиняемого, лежат на стороне обвинения, т. е. на субъектах первой группы участников уголовно-процессуального доказывания. И эти свою обязанность они не вправе перекладывать на подозреваемого и обвиняемого.

Обязанность доказывания – это правовая обязанность органов и должностных лиц, ведущих производство и имеющих право на принятие решения. Невыполнение ими этой обязанности должно повлечь за собой негативные последствия (отмену приговора, частные определения в их адрес, привлечение к дисциплинарной или даже к уголовной ответственности).

Всякие попытки переложить указанную обязанность, именуемую как бремя доказывания обвинения, должны самым решительным образом пресекаться, а полученные при этом фактические данные не могут выступать в качестве доказательств по уголовному делу. Сказанное полностью согласуется с правовым положением, называемым «презумпция невиновности», в силу которого обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда. Отрицание презумпции невиновности означало бы, по существу, признание наличия презумпции виновно-

⁵⁴ См.: Зинатуллин Т.З. Осуществление правосудия – функция российского уголовного процесса//Рос. судья. 2001. № 6. С. 12–13.

сти, чуждой нашему строю, законодательству, принципам, обычаям, образу жизни. И нашим юристам, особенно практикам, об этом надлежало бы всегда помнить. Между тем дело обстоит не всегда таким образом. Определенный повод для этого дают как наш законодатель, так и существующие образцы процессуальных документов. Так, согласно ч. 2 ст. 173 УПК РФ «в начале допроса следователь выясняет у обвиняемого, признает ли он себя виновным, желает ли и на каком языке дать показания по существу предъявленного обвинения»; перед началом судебного следствия председательствующий опрашивает подсудимого, понятно ли обвинение и желает ли он выразить свое отношение к обвинению (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). В процессуальных актах (см. протокол допроса обвиняемого) позицию, занятую обвиняемым по отношению к обвинению (непризнание, частичное или полное признание), закрепляют еще и подписью самого обвиняемого. Разве это не завуалированное психологическое давление на обвиняемого, своеобразное принуждение к тому, чтобы он начал давать показания. По существу, здесь перечеркиваются положения ч. 2 и 3 ст. 14 УПК РФ. Представляется, что обвиняемому после объявления постановления о привлечении его к уголовной ответственности в качестве обвиняемого необходимо сразу предоставить возможность реализовать свое право на дачу показаний или отказ от них.

Участие субъектов, входящих во вторую группу участников процесса (отстаивающих в них свой собственный интерес), является их правом, а не обязанностью. Подозреваемый, к примеру, может защищаться от возникшего в отношении него подозрения и давать показания, представлять доказательства своей непричастности и использовать другие предоставленные ему ст. 46 УПК РФ права. В то же время после разъяснения ему содержания ст. 51 Конституции РФ о том, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников», он может отказаться от дачи объяснений и показаний, от использования других своих процессуальных прав, например от права иметь защитника, если только участие такого лица в силу ст. 51 УПК РФ в уголовно-процессуальном доказывании не является обязательным. Сказанное равным образом относится и к обвиняемому, к лицу, в отношении которого в соответствии со ст. 47 УПК РФ вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или составлен обвинительный акт. В указанной уголовно-процессуальной норме назван обширный круг прав, которыми обвиняемый вправе распорядиться по своему усмотрению (знать существо обвинения, представлять доказательства, давать показания, пользоваться услугами защитника, обжаловать действия и решения следователя, знакомиться со всеми материалами оконченного расследования уголовного дела и т. д.).

Потерпевшим в соответствии со ст. 42 УПК РФ является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а в случае причинения преступлением вреда имуществу и деловой репутации – и юридическим лицом.

Потерпевший как субъект уголовно-процессуального доказывания наделяется, как и обвиняемый, самым широким кругом прав, которыми он также может распорядиться по собственному усмотрению (знать о предъявленном обвиняемому обвинении, давать показания, представлять доказательства, иметь представителя, выступать в судебных прениях и т. д.).

По делам о преступлениях так называемого «частного обвинения» (по терминологии ст. 20 УПК РФ 2001 г. – вид частного уголовного преследования. – 3.3.) уголовные дела возбуждаются лишь при наличии заявления потерпевшего или его законного представителя, а в случае смерти потерпевшего – близкого родственника (ч. 1, 2 ст. 318 УПК РФ). Уголовное дело по таким делам может быть возбуждено и прокурором, если потерпевший в силу беспомощного состояния или по иным причинам (материальная зависимость от обвиняемого и т. д.) не может защищать свои права и законные интересы (ч. 3 ст. 318 УПК РФ).

В соответствии со ст. 43 УПК РФ 2001 г. частный обвинитель наделяется правами, предусмотренными ч. 4, 5, 6 ст. 246 УПК РФ, т. е. правами обвинителя в судебном разбирательстве.

Используя такие права, частный обвинитель и выступает в качестве субъекта уголовно-процессуального доказывания.

Участие гражданского истца и его представителя, гражданского ответчика и его представителя в уголовно-процессуальном доказывании ограничено рамками заявленного по уголовному делу гражданского иска. Закон предоставляет им для этого достаточно широкие права (ст. 44–45, 54–55 УПК РФ).

Есть необходимость обстоятельно рассмотреть вопрос об участии в уголовно-процессуальном доказывании такого его субъекта (участника), каким является защитник. Согласно ст. 49 УПК РФ «защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Как субъект уголовно-процессуального доказывания защитник сочетает в себе полномочия самостоятельного участника уголовного процесса (выбор средств, методики и тактики защиты) с полномочиями представителя обвиняемого, мнением которого он, безусловно, связан при совершении наиболее ответственных процессуальных действий и выборе конечной позиции по делу. В соответствии со ст. 53 УПК РФ защитник наделяется большим объемом процессуальных прав, в том числе иметь свидания со своим подзащитным наедине и конфиденциально, представлять доказательства, присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать во всех следственных действиях, проводимых с участием подозреваемого, обвиняемого, знакомиться с любыми материалами уголовного дела, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в судебном разбирательстве в судах первой, второй и надзорной инстанций, а также при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, приносить жалобы на действия и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда и участвовать при их рассмотрении судом, использовать иные не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты.

В связи с наделением защитника правом не только представления доказательств, но и их собирания (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) возникает вопрос о праве защитника на производство так называемого «параллельного расследования», предполагающего, в частности, и самостоятельное производство защитником следственных действий.

Исходя из того, что расследование уголовных дел есть государственная деятельность, осуществляемая органами и лицами, наделенными властными полномочиями, позволяющими им применять меры государственного принуждения к лицам, не выполняющим их предписания (веления), следует вывод, что защитник (а им чаще всего выступает адвокат – член специального негосударственного профессионального объединения юристов) лишен права на производство урегулированных УПК РФ следственных действий. Его деятельность по собиранию доказательств может согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ проявляться в: а) в получении предметов, документов и иных сведений; б) в опросе частных лиц с их согласия; в) в истребовании справок, характеристик, иных документов из организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии.

Единственное предназначение защитника – защищать. Никаких иных процессуальных обязанностей он не имеет. Именно это и определяет характер участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании, а объем его прав предопределяет степень активности по защите прав и интересов подзащитных в любых стадиях уголовного процесса.

В производство по уголовному делу вовлекаются и такие участники уголовного процесса, как свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и понятые. Все эти лица наделяются определенными процессуальными правами (ст. 56–60 УПК РФ), реализуя которые они могут способствовать установлению обстоятельств расследуемого или рассматриваемого в суде уголовного дела. В силу отсутствия у таких участников процесса собственного интереса в разрешении обвинения и связанных с ним вопросов все такие лица не являются самостоятельными субъектами уголовно-процессуального доказывания.

Следующим звеном познавательной цепочки уголовно-процессуального доказывания является цель, а также обстоятельства, подлежащие установлению по каждому уголовному делу. Рассмотрим эти вопросы.

1.4. ЦЕЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ, ЕГО ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ

Вопросы о том, что есть истина и каковы возможности ее познания, всегда интересовали человечество.

Вслед за Г.В. Гегелем, изложившим свои идеи об истине в основополагающем труде «Наука логики», Н.А. Бердяев обратил внимание на то, что «истина имеет два смысла: истина как знание о реальности и есть истина как сама реальность»⁵⁵. Во втором своем смысловом значении истина есть некая абстракция, объективная реальность, своего рода конечная субстанция, существующая вне человеческого сознания. Такую истину в философии принято именовать объективной истиной⁵⁶. Ее практическая значимость заключается в некоем образе, к постижению которого стремится человеческое мышление.

Являясь разновидностью человеческого познания, уголовно-процессуальное доказывание стремится к достижению объективной истины, установление которой является его целью. В теории познания объективная истина понимается как такое знание о свойствах и особенностях объекта, которое воспроизводит их в сознании познающего субъекта такими, каковы они есть в действительности. Объективной истиной является знание, содержание которого существует объективно, независимо от сознания и воли человека. Будучи объективной по своему содержанию, объективная истина субъективна по своей форме. В силу таких обстоятельств успех в достижении объективной истины в ходе познавательной деятельности зависит также и от того, как познающий будет соблюдать законы логического мышления. Неверное мышление может привести к неверным выводам, фактам, на основе которых может быть получено искаженное, ложное знание.

Установить по расследуемому или разрешаемому уголовному делу объективную истину – это значит признать, что выводы соответствующих следственных, прокурорских и судебных органов по подлежащим выяснению по существу дела вопросам сделаны в полном соответствии с действительностью⁵⁷.

Вопрос о возможности и необходимости установления объективной истины в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела в юридической литературе поднимался неоднократно. При этом следует отметить, что многие авторы считают не только невозможным, но даже и необязательным получение истинных знаний в судебном исследовании и пытаются теоретически обосновать это. Характерно мнение А.М. Уилшера, писавшего о том, что «даже в уголовных делах не является необходимым представление доказательств настолько решительных, чтобы они не оставляли никакого сомнения...»⁵⁸. При таком подходе всегда есть возможность направить расследование или судебное разбирательство и даже вынести приговор в угоду чьим-то корыстным интересам, а об объективности здесь и говорить трудно.

Российская правовая наука относительно поставленных вопросов также богата различными суждениями. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. требовал от председателя суда такого направления судебного разбирательства, которое наиболее способствовало бы раскрытию истины по делу (ст. 613).

⁵⁵ Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 186.

⁵⁶ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 169, 314.

⁵⁷ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М., 2001. С. 161.

⁵⁸ Уилшер А.М. Уголовный процесс. М., 1947. С. 145–146.

И.В. Михайловский утверждал, что задачей суда «должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической»⁵⁹.

Другие юристы такую же мысль выражали несколько иначе. По мнению проф. В. Случевского, «о полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден по несовершенству средств человеческого правосудия удовлетворяться по необходимости лишь более или менее высокой степенью вероятности»⁶⁰.

Излагая вопрос об объективной истине и возможности ее установления, проф. И.Я. Фойницкий прямо указал, что в основе судебной деятельности лежит «практическая достоверность» как один из видов вероятности⁶¹.

Подобными суждениями, иногда даже в еще более резких формах, полны работы многих ученых, посвященные как общей теории права, так и теории уголовного процесса, относящиеся к гораздо более позднему периоду. Так, в книге «Введение в науку права» Г. Радбук писал: «Юрист – служитель формы, не существа, то есть справедливости»⁶². Следовательно, здесь целью судебного доказывания является только формальная (процессуальная) истина.

Английский юрист Г. Ноукс, противопоставляя научное и практическое знание, приходит к категорическому выводу о недоступности для суда достоверного познания происшедшего в действительности. «Заменителем достоверности, – по его мнению, – должна быть только вероятность»⁶³.

В вопросе о понятии истины, о ее достижении в судебном процессе отдельные ученые стояли, как видим, на позициях агностицизма, недоступности познания человеком окружающей действительности. Поэтому они считали не нужным стремиться к истине с позиции ее достоверности, полагая при этом достаточным ограничиваться вероятной истиной.

В советской уголовно-процессуальной науке также имели место суждения о возможности принятия процессуальных решений на основе вероятных выводов. Правда, в гносеологическом плане они несколько разнились. Так, М.А. Чельцов исходил из возможности достижения объективной истины по лишь некоторым делам⁶⁴. Другие юристы приходили к такого рода заключениям из-за противопоставления истины относительной истине абсолютной и смешения относительной истины с вероятными суждениями⁶⁵.

Взгляды этих ученых давали возможность правоохранительным органам выносить неправосудные решения по уголовным делам. В силу этого такие взгляды, как только стало возможным, в период «оттепели» (конец 50-х – начало 60-х гг. прошлого столетия) были подвергнуты суровой, но справедливой критике⁶⁶. В последние 30–40 лет в советской, а впоследствии и российской уголовно-процессуальной науке и практике утвердилось мнение о том, что органы предварительного следствия и суда не только могут, но и должны, обязаны устанавливать объективную истину по каждому уголовному делу и, как следствие этого, прийти к

⁵⁹ Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С. 93; см. также: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1914. С. 303.

⁶⁰ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 397; см. также: Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. М., 1891. Т. 2. С. 83; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 53–54.

⁶¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. 2. С. 176.

⁶² Цит. по: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 38.

⁶³ Там же. С. 38.

⁶⁴ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1952. С. 100. С учетом исторического периода (послевоенный виток сталинских репрессий) сказанное, надо полагать, относилось прежде всего к так называемым контрреволюционным преступлениям (наименование главы по УК РСФСР 1926 г. – 3.3.).

⁶⁵ См.: Голунский С.А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. М., 1937. Кн. 4. С. 20, 61–62; Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в уголовном процессе // Сов. гос-во и право. 1948. С. 66–68; Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 201.

⁶⁶ См.: Старченко А.А. Методологические проблемы судопроизводства // Весты. Моек, ун-та. Сер. 8: Экономика, философия. М., 1963. № 4. С. 38–76; Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971. С. 6–12.

единственно правильному, достоверному выводу об обстоятельствах, которые подлежат доказыванию по уголовному делу⁶⁷. В противном случае не исключается возможность не только незаконных и необоснованных арестов, привлечения к уголовной ответственности, но и осуждения, о чем сообщалось в литературе. Одним из предназначений уголовного процесса в соответствии со ст. 6 УПК РФ 2001 г. является «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Из практики правоохранительных органов должны быть полностью исключены необоснованные задержания и аресты, незаконное привлечение граждан к уголовной ответственности, фальсификация материалов дел и другие недозволенные методы. Каждый такой случай следует расценивать как чрезвычайное происшествие с соответствующими строгими выводами. Только такой подход к проблеме объективной истины, возможности и необходимости ее установления по каждому уголовному делу является неременной гарантией конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем вызывает тревогу полное отсутствие в УПК РФ 2001 г. какого-либо упоминания об истине. Категория «истина» предана забвению. Нет ее при формулировании назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), тех задач, которые призвана решать в области криминальных отношений правоохранительная система; из числа принципов уголовного процесса исчезло требование о необходимости всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств расследуемого или разрешаемого уголовного дела; вводится институт «судебной сделки», совершенно не требующий того, чтобы суд (судья) исследовал все обстоятельства совершенного подсудимым преступления и тем самым познал по уголовному делу истину и т. д.

Такое отношение законодателя к истине означает, что в практической деятельности ее и не надо устанавливать, достаточно лишь высокой (весьма аморфное слово. – *Авт.*) степени (сугубо субъективная оценка. – *Авт.*) вероятности возможной виновности лица в инкриминируемом деянии, чтобы считать его вину доказанной⁶⁸. Но это может привести к возрождению идей А.Я. Вышинского и ему подобных, к новому витку незаконного осуждения, что не должно и просто не может иметь место в демократическом правовом государстве (ст. 1 Конституции РФ). Естественна и та тревога, которая возникла в связи с таким отношением законодателя к проблеме истины. Думается, что законодатель изменит свое отношение к истине; правда всегда торжествует.

При рассмотрении характера установленной по делу объективной истины необходимо учитывать, что «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из сумм относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»⁶⁹.

Достигаемая по уголовному делу истина не может быть охарактеризована только как истина абсолютная в силу неполноты, ограниченности ее предмета. Мы должны считаться с тем, что предметом исследования в судопроизводстве является конкретное событие с определенными свойствами, связями, сторонами. Задача такого исследования имеет достаточно ясные пределы, которые определены законом. Как известно, каждое совершенное преступле-

⁶⁷ См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 533–542; Тенцов Э.С., Кузьмина О.В. Объективная истина и суд присяжных // Гос-во и право. 1994. № 11. С. 132–139; Васильев Л.М. Проблема истины в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения). Краснодар, 1998. С. 22–35. – Если понимать истину в сфере правосудия «как соответствие выводов следствия и суда о фактических обстоятельствах дела тому, что произошло в действительности, трудно представить, как можно отрицать постановку такой цели», пишет Ю.В. Корневский. Он же далее утверждает, что «истина в уголовном процессе достижима» (см.: Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М., 2000. С. 143, 152).

⁶⁸ См.: Карпеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснование. М., 1971. С. 135.

⁶⁹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 18. С. 137.

ние являет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых объективных и субъективных фактов, которые в свою очередь тоже связаны многочисленными нитями с другими явлениями общественной жизни. Каждое преступление вызывается какими-то причинами и само является причиной определенных следствий, которые выступают как причины уже новых, других событий и действий. Этот процесс может быть достаточно длительным. Законодатель не требует от следователя выяснения всех фактов, так или иначе относящихся к данному преступлению. Например, чтобы правильно квалифицировать преступление, законодатель требует точно установить не все, а только строго определенные факты, которые соответствуют признакам какого-то определенного состава преступления. Академик В.Н. Кудрявцев отмечает, что решение суда о квалификации преступления будет иметь абсолютный характер (т. е. точно соответствовать правильно познанным обстоятельствам, содержанию уголовно-правовой нормы) и одновременно относительный, так как здесь будет учтена только определенная группа признаков события из бесконечного числа свойств, характеризующих его в различных аспектах⁷⁰. В силу того, что для принятия процессуального решения по разрешаемому уголовному делу (скажем, для постановления судебного приговора) законодатель согласился считать истинным то, что образует содержание конструктивных элементов состава преступления, а также обуславливает обоснованность меры ответственности виновного в преступлении, такую истину можно считать еще и конвенционной. Социум полагает определенную совокупность фактов и обстоятельств достаточной для того, чтобы считать истину по конкретному уголовному делу объективно (реально) установленной.

В уголовном процессе следователь, прокурор, суд (судья) познают, доказывают только строго определенную часть того, что произошло в действительности, только существенные стороны и связи события в тех пределах, которые необходимы для выполнения стоящих перед ними задач – раскрыть преступление, установить виновных и обеспечить справедливое наказание их судом. Именно в этом смысле достигаемая в уголовном процессе объективная истина является по своему характеру относительной.

Относительная истина относится к истине абсолютной как часть к целому и служит своеобразной ступенькой для достижения абсолютной истины. Поэтому относительная истина допускает дальнейшее исследование, познание, в ходе которого она будет дополняться и уточняться.

Объективная истина – это такая совокупность знаний об обстоятельствах уголовного дела, которая правильно отражает реальность, существующую независимо от сознания следователя, прокурора, судьи.

Следователь не вправе подменять вероятными суждениями относительную истину, а также противопоставлять относительную истину абсолютной. Этот запрет базируется на положении об исторической условности пределов приближения наших знаний к абсолютной истине, об исторической условности контуров рисуемых нами картин окружающей реальной действительности.

В связи с этим Ф.Н. Фаткуллин правильно подчеркивает: «Всякая истина конкретна, и она является объективной лишь тогда, когда абсолютно достоверно (хотя и неполно) отражает реальную действительность. Нельзя проводить принципиальное различие между относительной истиной и достоверностью фактов, устанавливаемых в уголовном судопроизводстве, и пытаться таким образом обосновать вероятный, условный характер обстоятельств, устанавливаемых органами следствия и суда. Объективная истина в уголовном судопроизводстве достигается только тогда, когда знания об искомых фактах и их признаках абсолютно достоверны, когда эти факты из “истины в себе” стали “истиной для нас”. Никогда нельзя утверждать об истинности выводов, носящих вероятный характер. Любая, даже самая высокая степень

⁷⁰ См.: Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 66–69.

вероятности не может заменить собой достоверное, истинное знание предмета. Она не исключает того, что выводы об обстоятельствах дела не соответствуют объективной действительности. Поэтому ограничение цели процессуального доказывания вероятными суждениями может привести к судебным ошибкам и, стало быть, к грубому нарушению социалистической законности»⁷¹.

Необходимо отметить, что приведенным выше определением объективной истины в уголовном процессе как совокупности знаний, правильно отражающей существующую реальность, охватываются достоверные выводы следователя, прокурора и суда, во-первых, о наличии или отсутствии тех конкретных фактов и обстоятельств, которые доказываются по уголовному делу, и, во-вторых, об их юридически значимых свойствах, социально-правовой сущности установленных по делу фактов и обстоятельств. При этом надо иметь в виду, что имевшиеся в действительности факты и их свойства, т. е. внешняя и внутренняя сторона содеянного, равнозначны для правильного разрешения дела. До тех пор пока не познаны сами искомые факты, а также все их существенные свойства, мы не можем говорить, что установили по уголовному делу объективную истину. Любые черты, свойства того или иного деяния, в том числе и учитываемые в качестве конструктивных признаков состава конкретного преступления, существуют объективно, независимо от сознания следователя, прокурора, суда. Поэтому уголовно-процессуальное доказывание и есть познание реальной действительности, фактов и обстоятельств конкретного уголовного дела в их социально-правовой сущности. Именно поэтому нельзя отделять процесс отыскания истины по делу от применения следователем, прокурором, судьей норм права, поскольку это есть две стороны единого процесса, которые переплетаются, взаимовозникают в процессе познания окружающей, независимой от нашего сознания объективной реальности. Всякое другое решение этого вопроса противоречило бы положению о том, что для познания предмета нужно вникнуть в его сущность, охватить и изучить все его стороны, связи и опосредования. Но содержание устанавливаемой по уголовному делу объективной истины, как нам представляется, не исчерпывается только установлением фактов и их правовой оценкой. «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания»⁷². Суд в каждом конкретном случае обязан найти такую меру наказания, которая бы правильно определяла характер содеянного и служила единственным верным средством для исправления и перевоспитания виновного в совершении преступления. Если такая мера найдена и она соответствует объективной реальности, выводы суда об этом являются истинными. При таком подходе вполне логично предположить, что понятием объективной истины по делу должна охватываться не только мера уголовного наказания, но и любая другая мера юридической ответственности, которая определяется судом в отношении виновного в совершении конкретного преступления. Здесь необходимо отметить, что объем гражданско-правовой ответственности за материальный ущерб, причиненный преступлением, характеризуется такими же объективными факторами, как и мера уголовного наказания. Она тоже должна точно соответствовать реальному положению вещей, т. е. быть истинной.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное доказывание является единственным способом установления объективной истины по уголовному делу, **под которой подразумевается соответствие реальной действительности выводов следственных, прокурорских и судебных органов по расследуемому и разрешаемому уголовному делу о наличии или отсутствии искомых (устанавливаемых) фактов, их юридически значимых свойствах и о мере юридической ответственности виновного.**

⁷¹ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 27.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 124.

Установить объективную истину по уголовному делу можно только тогда, когда все посылки и выводы верно отражают объективную реальность, сами являются истинными.

Достижение объективной истины по уголовному делу на основе уголовно-процессуального доказывания во многом предопределяется четким представлением о предмете данной деятельности.

Предмет уголовно-процессуального доказывания необходимо отличать от его объекта. В качестве последнего выступает «совокупность обстоятельств, явлений и процессов, истинное и достоверное познание которых определяет правильное разрешение уголовного дела, выполнение задач уголовного процесса»⁷³, в то время как «предмет доказывания (познания) – это определенный «срез» свойств, отношений преступления, познание которых необходимо для решения его (доказывания. – З.З.) задач»⁷⁴.

Как видим, предмет доказывания специфичен тем, что образующие его факты и обстоятельства необходимо исследовать сквозь призму задач уголовного процесса, установления по каждому уголовному делу объективной истины. Причем эти факты и обстоятельства всегда представляют собой явления материального мира, существуют реально, вне зависимости от того, сумеет или нет познать их тот или иной участник уголовного процесса. Такие факты и обстоятельства могут быть не только явлениями прошлого, имевшими место на момент совершения преступления, но и «наличными», продолжающими существовать и даже наступившими в период расследования и разрешения уголовного дела. Сюда, к примеру, относятся обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (подсудимого), только что наступавшие последствия содеянного (психические расстройства) и т. д.

В процессуальной литературе нет единства по вопросу о том, состоит ли предмет уголовно-процессуального доказывания только из конкретно указанных в уголовно-процессуальном законе обстоятельств⁷⁵ или он включает в себя еще и так называемые «доказательственные факты»⁷⁶. При этом иногда утверждается, что в уголовно-процессуальном доказывании доказательственные факты носят лишь «подсобный» характер⁷⁷.

Но доказывание в уголовном процессе не может разделяться на «основное» и «подсобное», оно всегда складывается из одних и тех же элементов, подчинено одним и тем же гносеологическим законам, преследует одну и ту же цель. Если, допустим, совершение лицом преступного деяния подтверждается показаниями очевидцев, то собирание, проверка и оценка доказательственных фактов, подкрепляющих и дополняющих такие показания, не могут считаться доказыванием «подсобным». Это тем более нелогично в тех случаях, когда выводы органов следствия и суда основываются исключительно на доказательственных фактах; иначе пришлось бы признать «подсобным» все доказывание по делу. Интересы достижения по расследуемому или разрешаемому уголовному делу объективной истины обуславливают необходимость включения в предмет уголовно-процессуального доказывания каждого факта и обстоятельства, без установления которого нельзя правильно разрешить дело.

Сказанное позволяет согласиться с утверждением о том, что «предметом процессуального доказывания должны признаваться все – происшедшие и наличные, юридические и дока-

⁷³ Зеленецкий В.С. Объект уголовно-процессуального познания действительности. Харьков, 1975. С. 247; см. также: Стойко Н.С. Объект и предмет уголовно-процессуального доказывания // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1985. С. 28.

⁷⁴ Банин В.А. Проблемы предмета доказывания и истины в советском уголовном процессе // Доказывание по уголовным делам. Красноярск, 1986. С. 35.

⁷⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 139–140; Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 543.

⁷⁶ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 369.

⁷⁷ См.: Уголовный процесс / Под ред. Н.С. Алексеева, П.С. Элькинд. М., 1972. С. 157–158.

зательственные – факты и обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела»⁷⁸.

В силу того что факты и обстоятельства, входящие в предмет уголовно-процессуального доказывания, многочисленны и по своему характеру разнообразны, важно правильно их классифицировать на определенные группы.

Первую группу образуют факты и обстоятельства, находящиеся в рамках конструктивных признаков того или иного состава преступления и имеющие непосредственное уголовно-правовое значение. В прямой зависимости от них находится, прежде всего, квалификация преступления по той или иной статье (части, пункту) уголовного закона. Таковыми являются: а) противоправное деяние, степень его осуществления, а также время, место, способ совершения преступления; б) факт совершения преступления или участие в нем определенных лиц, достигших возраста, с которого, согласно ст. 20 УК РФ, возможна уголовная ответственность; в) факт наличия или отсутствия вины этих лиц в совершении преступления, форма их вины, мотив и цель; г) вредные последствия содеянного, их характер, объем и причинная связь с деяниями виновных; д) отягчающие и смягчающие вину обвиняемого (подсудимого) обстоятельства.

Как видим, в эту группу входят факты и обстоятельства, составляющие как основные, так и дополнительные (факультативные) элементы конкретного состава преступления. Последние входят в эту группу лишь при условии, что от их установления зависит доказанность вообще наличия преступления, квалифицируемого по соответствующей уголовно-правовой норме. Для того чтобы, к примеру, квалифицировать деяние охотника по ч. 1 ст. 258 УК РФ, необходимо, в частности, установить, что он охотился: «а) с причинением крупного ущерба; б) с применением механического транспортного средства или судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; в) на птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; г) на территории заповедника, заказника либо в зоне экологического бездействия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации». Как видим, в зависимости от последствий, средств и способов, объекта охоты, ее места находится ответ на вопрос о том, является ли конкретная охота законной или незаконной, есть или нет в действиях охотника состава преступления. Если же такие явления, как время, место, способ, обстановка совершения преступления, равно как и мотив и цель преступления, вредные его последствия (к примеру, размер вреда) не влияют на квалификацию преступления (при краже, например, время ее совершения для квалификации по ст. 158 УК РФ значения не имеет), то они входят в другую (чаще во вторую) группу фактов и обстоятельств предмета уголовно-процессуального доказывания.

Содержание первой группы образуют, прежде всего, указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства. В соответствии с этой статьей доказыванию по уголовному делу подлежат:

1) событие преступления, т. е. предусмотренное соответствующей статьей УК РФ общественно опасное деяние со всеми характеризующими его обстоятельствами (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); подлежат установлению обстоятельства, позволяющие квалифицировать обвинение по соответствующей статье УК, отграничить его от смежных составов, когда такое разграничение осуществляется по признакам объективной стороны состава преступления или по объекту преступного посягательства;

2) причастность лица к совершению преступления (понятие это еще требует своего исследования. – 3.3.);

3) виновность лица в совершении преступления, форма его вины. Следует установить, совершил ли обвиняемый (подсудимый) вменяемое ему в вину деяние, его фамилию, имя, отчество, год рождения, национальность, образование и другие данные о нем, которые позво-

⁷⁸ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973. С. 54.

ляют с несомненностью удостоверить его личность. Доказав факт совершения деяния определенным лицом, необходимо выяснить, действовало ли оно при этом умышленно или неосторожно, какова форма умысла или неосторожности. Если для состава преступления мотив имеет значение как один из квалифицирующих факторов, то он подлежит обязательному установлению и входит в первую группу обстоятельств предмета доказывания.

Когда по обстоятельствам дела возникают сомнения в психической полноценности обвиняемого, в его способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, подлежит доказыванию вменяемость обвиняемого.

В предмет доказывания могут входить имеющие значение для разрешения дела обстоятельства, относящиеся к личности обвиняемого, например факт достижения обвиняемым возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности (16 лет, а по некоторым преступлениям – 14 лет), факт, что обвиняемый является должностным лицом, военнослужащим и т. п.;

4) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, в их числе то, что именуется специальным статусом: отношение к труду, в коллективе, поведение в быту, наличие поощрений и т. д.;

5) характер и размер вреда, причиненного преступлением. Вред может быть физическим, материальным и моральным. Его характер и размер непосредственно влияют, к примеру, на отнесение причиненных телесных повреждений к категории тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью или просто к побоям, отчего зависит напрямую квалификация преступления по ст. 111–117 УК РФ;

6) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

7) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Их перечень приведен в ст. 1 и 63 УК РФ. Одни из них характеризуют такие особенности состава преступления, как объект (объективную сторону), субъект (субъективную сторону), другие – преступные последствия. Все они имеют существенное значение для правильного разрешения конкретного уголовного дела, для определения степени и характера ответственности обвиняемого, поэтому обязательно подлежат доказыванию;

8) обстоятельства, могущие повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания.

В число фактов и обстоятельств, образующих первую группу предмета уголовно-процессуального доказывания, входят, как видим, обстоятельства (явления) не только обвинительного (изобличительного) свойства, но и такие, которые свидетельствуют об отсутствии преступного деяния вообще или вины привлекаемого к уголовной ответственности лица либо о меньшей степени его виновности. Мы не можем согласиться с теми, кто ограничивает предмет уголовно-процессуального доказывания лишь совокупностью обстоятельств преступления, «вменяемого в вину конкретному лицу (обвиняемому, подсудимому), определяющих характер и степень общественной опасности данного преступления и тем самым влияющих на выбор формы, вида и меры уголовно-правового воздействия на виновного»⁷⁹. Фактическое отождествление предмета доказывания с обвинением в его материально-правовом содержании весьма характерно для сторонников так называемого «обвинительного уклона», что совершенно не согласуется с необходимостью исследовать обстоятельства любого уголовного дела всесторонне, полно и объективно.

Факты и обстоятельства первой группы предмета уголовно-процессуального доказывания иногда называют «главным фактом».

По мнению П.А. Лупинской, содержание «главного факта» образует «совокупность обстоятельств, относящихся к событию, действию (бездействию) и свидетельствующих о вине

⁷⁹ Джаматов В. С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов н/Д, 1991. С. 40.

лица в действиях (бездействии) и наступивших последствиях», а практическая его значимость выражается в том, что помогает судьям и присяжным заседателям дать правильные ответы на вопросы: «доказано ли, что соответствующее деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния»⁸⁰.

Думается, что к необходимости выделения обстоятельств, образующих содержание так называемого «главного факта», необходимо подходить только с таких позиций, не более того. Иное отношение может способствовать тому, что органы следствия, прокуратуры и суда будут сосредоточивать все свои усилия только на выяснении таких обстоятельств в ущерб другим, условно поименованным как «менее существенные».

Вторую группу фактов и обстоятельств предмета уголовно-процессуального доказывания образуют те, которые имеют иное (помимо квалификации по соответствующей уголовно-правовой норме) правовое значение по расследуемому или разрешаемому уголовному делу.

Объединяет эти факты и обстоятельства то, что они хотя и находятся за рамками состава преступления, но тем не менее обладают такими юридически значимыми свойствами, которые непосредственно влияют на решение вопроса о наличии необходимых предпосылок для ведения производства по уголовному делу, об уголовной ответственности и наказании виновного, о необходимости избрать в отношении обвиняемого ту или иную меру пресечения, о взыскании с обвиняемого причиненного ущерба и т. д. В эту группу входят:

а) обстоятельства, наличие которых позволяет освободить виновного от уголовной ответственности и наказания (ст. 75–78 УК РФ);

б) обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого (подсудимого), учитываемые при назначении наказания;

в) обстоятельства, характеризующие лицо, совершившее преступление (семейное положение, состояние здоровья и т. д.);

г) характер и размер причиненного вреда, если таковые не влияют на квалификацию преступления, но могут быть учтены при решении вопроса о возмещении причиненного преступлением вреда и назначении наказания;

д) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и содействовавшие формированию у виновного преступных намерений;

е) процессуальные обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу (отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного обвинения, наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению и т. д.).

Третью группу составляют факты и обстоятельства, установление которых имеет доказательственное значение по расследуемому или разрешаемому уголовному делу. Они могут быть самыми разнообразными.

В одних случаях доказательственное значение имеет нахождение на месте происшествия документа, следов или вещей определенного лица, в других – принадлежность данному лицу орудия совершения преступления, в третьих – факт неприязненных отношений между обвиняемым и потерпевшим и т. д. Будучи установленными по делу, они приобретают одинаковую природу в том плане, что становятся доказательственными фактами, необходимыми для выяснения юридически значимых обстоятельств в уголовном судопроизводстве. Такова структура предмета уголовно-процессуального доказывания. При этом каждое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, может иметь как положительное, так и отрицательное выражение. В ходе уголовно-процессуального доказывания подтверждается наличие преступного деяния (положительный факт) или его отсутствие (отрицательный факт), виновность лица в совершении преступления либо его невиновность и т. д., иногда доказывание какого-то отрицатель-

⁸⁰ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М., 2001. С. 163–164.

ного факта осуществляется путем установления положительного факта. Примером последнего может служить алиби, т. е. отсутствие так называемого исполнителя преступления на месте преступления во время его совершения.

Учитывая, что в указанной структуре предмета уголовно-процессуального доказывания каждое обстоятельство (факт) обозначено не как единичная, а как общая категория, способная охватить любые проявления соответствующего общественного явления, нетрудно сделать вывод о том, что содержание и структура такого предмета едины для всех уголовных дел. При расследовании дела об убийстве или хулиганстве следователю (дознавателю) в ходе уголовно-процессуального доказывания приходится устанавливать факты и обстоятельства, образующие конструкцию того или иного состава преступления и в силу этого влияющие на квалификацию деяния по определенной уголовно-правовой норме (первая группа); факты и обстоятельства, хотя и находящиеся за пределами такой конструкции, но тем не менее имеющие иное (помимо квалификации) правовое значение (вторая группа); либо доказательственные факты (третья группа). Структура предмета уголовно-процессуального доказывания едина и для всех стадий производства по уголовному делу – факты и обстоятельства каждой из групп должны устанавливаться как в досудебных, так и в судебных стадиях уголовного процесса.

С понятием предмета доказывания тесно связано и понятие о пределах уголовно-процессуального доказывания. Если предмет доказывания отвечает на вопрос о том, какие обстоятельства подлежат доказыванию, то пределы уголовно-процессуального доказывания указывают на глубину, оптимальные границы познания этого предмета.

В настоящее время уже практически нет авторов, отождествляющих эти два понятия⁸¹. Но среди процессуалистов нет единства относительно содержания этих двух понятий. Более того, учитывая, что в отличие от предмета доказывания, имеющего в определенной степени свою правовую основу, свое правовое регулирование, пределы доказывания законодательством, по существу, не регулируются. В.А. Банин высказал мысль о необходимости отказа от оперирования таким, по его мнению, «неработающим» понятием, его замены на используемые законом в связи с принятием процессуальных решений термины «достаточность доказательств», «достаточные данные», «достаточные основания»⁸². В уголовно-процессуальном законе в действительности нет отдельной нормы, посвященной специально пределам уголовно-процессуального доказывания. В то же время определенные указания на нее мы находим в нормах о предмете самого уголовно-процессуального доказывания (ст. 73 УПК РФ), дифференцируемого к тому же применительно к делам о преступлениях несовершеннолетних (ст. 421 УПК РФ) и делам по применению принудительных мер медицинского характера (ст. 434 УПК РФ), об основаниях для принятия решений и актов о возбуждении уголовного дела – ст. 140 УПК РФ; о привлечении в качестве обвиняемого – ст. 171 УПК РФ и т. д. Следовательно, понятие «пределы доказывания» в определенной мере несет на себе «правовую нагрузку», имеет непосредственное практическое значение.

К тому же вопрос о пределах уголовно-процессуального доказывания не сводится лишь к совокупности доказательств, необходимых для принятия тех или иных процессуальных решений. Такие пределы значительно шире.

Они, во-первых, означают определенную степень конкретизации и детализации каждого из входящих в предмет доказывания обстоятельств. Такие обстоятельства должны исследоваться не поверхностно, а с необходимой для установления объективной истины глубиной, конкретизацией, вскрытием существенных для данного преступления моментов. Обстоятельства же, не имеющие такого существенного значения, не влияющие на виновность обвиняе-

⁸¹ См.: Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 4; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 361.

⁸² См.: Банин В.А. К вопросу о предмете и пределах доказывания в советском уголовном процессе // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1987. С. 22–23.

мого (подсудимого), на квалификацию деяния по соответствующей уголовно-правовой норме и т. д., могут быть исследованы в ходе доказывания не во всех без исключения своих связях, деталях, а лишь в той мере, в какой последние необходимы для успешного выполнения стоящих перед уголовным процессом задач. Если, к примеру, расследуется дело о хулиганстве, то необязательно детализировать все нецензурные выражения и циничные действия виновного, а можно ограничиться лишь выяснением наиболее существенных, дерзких и циничных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу. Правильное определение пределов доказывания помогает в таких случаях рационально использовать силы и средства правоохранительных и судебных органов.

Понятие пределов доказывания, во-вторых, отвечает на вопрос о том, в каком объеме должны быть собраны, исследованы и оценены доказательства и их источники для того, чтобы можно было признать наличие или отсутствие каждого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по расследуемому или разрешаемому уголовному делу, какова должна быть совокупность таких средств доказывания. Если, например, хулиганские действия виновным совершены в присутствии значительного числа людей, пределы доказывания помогают определить, сколько очевидцев (свидетелей) преступления необходимо допросить, чтобы считать действия виновного в хулиганстве доказанными с достаточной полнотой.

Рассматриваемое понятие, в-третьих, отражает еще и такой аспект, как степень достаточности исследованных следственных версий и полноты обоснованных выводов по делу. По расследуемому или разрешаемому уголовному делу версии должны выдвигаться и исследоваться с необходимой для принятия процессуального решения глубиной. В то же время таких версий не может быть бесконечное множество (следственная версия представляет собой обоснованное доказательствами предположение, а не какое-то надуманное, не подкрепленное фактами суждение). Загромождение следствия надуманными версиями есть не что иное, как несостоятельное расширение пределов уголовно-процессуального доказывания, способное лишь затруднить решение задач уголовного процесса. Равным образом и выводы, делаемые в результате уголовно-процессуального доказывания следователем, прокурором, судьей, должны быть не какими-то надуманными, а обоснованными полученными в ходе такого доказывания данными.

Из сказанного следует, что под пределами уголовно-процессуального доказывания надлежит понимать такие границы этой деятельности, которые выражают полноту проверяемых следственных версий, глубину исследования подлежащих установлению фактов (обстоятельств), объем доказательств и их источников, обязательных для признания наличия или отсутствия этих фактов, и достаточность обоснования выводов по делу.

Пределы уголовно-процессуального доказывания в принципе едины для всех уголовных дел и для всех этапов (стадий) их движения. Без выдвижения и исследования обоснованных следственных версий невозможно всестороннее, полное и объективное исследование ни одного уголовного дела, ни одного из входящих в предмет доказывания фактов и обстоятельств. Нельзя достичь этого и без надлежащего объема соответствующих средств доказывания, в частности, доказательств и их источников. Процессуально значимые выводы и решения должны быть также всегда обоснованы установленными по делу доказательствами, их совокупностью.

На сказанное не влияет тот факт, что отдельные категории уголовных дел имеют некоторые объективные особенности. По делам несовершеннолетних, например, подлежат особо тщательной проверке данные о возрасте правонарушителя, об условиях его воспитания и степени умственного развития. По делам о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения, необходимо выяснить, не нуждается ли обвиняемый (подсудимый) в противоалкогольном лечении. Но и по такого рода делам мы не видим особого исключения в части пределов доказывания. Отмеченные объективные особенности таких дел вызывают лишь необходимость в

более внимательном, тщательном подходе к установлению отдельных обстоятельств предмета уголовно-процессуального доказывания.

В ходе уголовно-процессуального доказывания следователь, прокурор, судья могут встретиться с так называемыми общеизвестными, презюмируемыми законом и преюдициально установленными фактами и обстоятельствами.

Доказывание общеизвестных фактов типа «Москва – столица России», что от Москвы до Ижевска нельзя дойти пешком за сутки (расстояние около 1300 км), что водка относится к разряду спиртных напитков, а гашиш – к наркотикам и т. п., сводится, по существу, лишь к процессуальной фиксации имеющихся о них сведений, к установлению их связи с деянием уголовно ответственного лица и оценке их отношения к делу. Что касается проверки доброкачественности содержащейся в таких фактах информации, то она и не нужна (сведения в силу их общеизвестности признаются истинными и кладутся в основу процессуального решения).

Констатирование следователем и судьей законной презумпции (факт рождения лишь в тот день, в том месте и от тех родителей, что указаны в свидетельстве о рождении; способность лица, имеющего определенное образование, выполнять определенные служебные обязанности; невиновность лица в совершении преступления и невозможность подвергать его уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом и др.) предполагает лишь выяснение вопроса о ее применении и отношении к расследуемому (разрешаемому) уголовному делу в данном конкретном случае.

Одной из законных презумпций, привлекавших к себе внимание многих ученых и практиков, является презумпция невиновности⁸³. Положения о презумпции невиновности впервые были выражены и закреплены в Декларации прав человека и гражданина в 1789 г. во время Французской буржуазной революции и в 1791 г. включены в Конституцию Франции. В этих актах презумпция невиновности была сформулирована следующим образом: «Так как каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для его обеспечения, должна строго караться законом».

⁸³ См.: *Ларин А.М.* Презумпция невиновности. М., 1982; *Савицкий В.М.* Право на защиту и нормативное выражение презумпции невиновности // *Адвокатура и современность*. М., 1987. С. 25–36; *Михеенко М.М.* Презумпция невиновности и уголовно-процессуальная деятельность // *Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки*. Ижевск, 1989. С. 32–38.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.